

№ 9

СМЕНА

КОМСОМЛ

НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

→ Телеграф принес возмущающие строки: «Днем 23 апреля на заводе синтетического аммиака Березниковского химкомбината получен первый аммиак».

Синтетический аммиак! Это звучит большой победой советской химии, беспрецедентного успеха в овладении техникой. Пуск аммиачного завода Березниковского химкомбината будет отмечен в истории героической работы комсомола на стройке социализма. Комсомольские бригады были ведущими на стройке; по отрывам специальных жюри ИТР комсомольцы лучшие других овладели техникой, ведущие агрегаты завода освоиваются.

На севере Урала вырос гигант советской химии. На сникке-монтаж дымоходных труб на стройке теплоэлектростанции Березниковского химкомбината.

→ В прошлом товары, кровельное железо, голенда демайдан. Копилась старая металлургия. Ура за годы протаргетской революции пределал кокасовый стачок к первой и мире гитантской магнитогорской домие.

В недалеком будущем Урал станет главной базой, снабжающей страну качественной сталью и чугуном. И Уральский комсомол боится за превращение в жизнь этих решений партии. Вот факт, вызвавший интерес в рядах упорной борьбы комсомола за освоение новых производственных сортов качественной стали. Комсомольская смена электротехники Златоустовского металлургического завода организовала переход на четыре плавки в сутки, добиваясь полного обеспечения специальной сталью московского «Шарикоподшипника».

Чтобы обобщить опыт разрозненных достижений, комсомольские организации и ударники заводов Урала предложили создать всесоюзную комсомольскую конференцию экономической независимости производства качественной стали.

→ Тесным колом окружили ребята инструктора. Зрение и слух мобилизованы. Они увлечены, они впитывают в себя все о конструкции танкового двигателя, этого важного участника будущей войны. Клич Комсомолец, на овладение военной техникой прокатился по всему Советскому союзу. И эта изображенная на снимке картина, которую застал фотограф на взаимосекторном военно-учебном пункте, не случайна. Комсомол постигает науку мотора, он будет водить эти машины, если это понадобится социалистической отечеству.

→ По инициативе комсомола в Ленинском районе Москвы открыт магазин-вуз. Да, вуз! Магазины-вузы — это новая форма производственного обучения в системе потребительской кооперации. 300 комсомольцев, оккупавших этот вуз, получают звание продавца и техник советской торговли. 300 комсомольцев крепят фортис изучением, что вслед за Москвой магазины-вузы будут организованы и в других крупных промышленных центрах.

→ Всесоюзное соревнование фабзавучей вскрыло интересные факты тяги к изобретательству среди фабзавучей. При протаргетке стали на заводе «Серп и молот» много продукции бракованной. Стали доискиваться причины. Оказалось, что листопротаргетки работали на-глазок, ибо прибор для измерения толщины листов-микротеров-на заводе не было. Для того, чтобы освоить работу от импорта этих приборов, фабзавучей решили попытаться изобрести микротеромы. Бригаде фабзавучей в порядке соревнования удалось довести до конца свою изобретательскую мысль. Они своими силами изготовили 4 микротера.

На сникке-учащаяся ФЭУ завода имени Сталина (бывш. АМО) за работой у фрезерного станка. Это крупнейшая ФЭУ Москвы на IX съезде профсоюзной работаровало о своих достижениях на фронте производственного обучения и вых кадров для промышленности.

→ Вторая пятилетка меняет в корне лицо Средней Азии, насыщает ее гигантскими индустриальными сооружениями. Так например будет выстроен Чирчикский энергохимический комбинат. Госплан СССР считает, что в целом ряде вопросов, связанных с построением этого крупнейшего комбината, должен также принять участие комсомол. Разведка природных богатств, добыча и переработка меди, свинца, цинка, калия, серы, ртути, бериллия, молибдена, радия, — вот обширное поле деятельности для инициативы среднеазиатского комсомола.

→ Блюминги ввозились из-за границы. На сникке «импорт» сопровождала всюду это массивное техническое сооружение. Ижорский завод преградил дорогу «импорту», завод впервые в СССР начал выпускать блюминги, изготовляемые из советских материалов.

Сейчас на крупнейшем металлургическом заводе им. Дзержинского (Каменское) угнана является блюминг — крупное звено в технической реконструкции завода. В постройке специального цеха для блюминга ведущую роль играют комсомольцы.

→ С каждым днем все ближе и яснее вырисовываются контуры второй пятилетки. Это грядущее новое пятилетие заживает и на карте Украины огни новых индустриальных предприятий. Украинский комсомол, так же, как и комсомол всего Союза, готовит встречу второй пятилетки. За короткое время комсомольцы Украины поставили целый ряд интересных народнохозяйственных проблем. Одесские комсомольцы разрешили проблему лианов, соль которых и другие морские отложения должны служить базой для гитантского химического комбината. Артемьевские комсомольцы разработали вопрос об использовании ценного химического сырья — ангидридов.

А сейчас все силы, всю энергию — на завершение последнего года пятилетки. На снимке изображена лучшая хозяйственная комсомольская бригада на стройке алюминиевого завода Днепркомбината.

→ В начале этого года комсомольцы Саратова внесли ценный вклад в копилку опыта массовой интернациональной работы. Саратовцы провели конгресс КИМ, где заслушали ряд докладов своих же товарищей о борьбе зарубежного комсомола. Вслед за Саратовским конгрессом был проведен в Н.-Новгороде Севастопольские комсомольцы подхватили почин этих двух городов и развернули большую массовую работу вокруг конгресса.

На снимке — цель — знаменосцы на одном из митингов германского комсомола

→ Дух интернационализма должен всегда витать над ленинским комсомолом. Каждый комсомолец СССР должен знать о борьбе молодых пролетариев за рубежом, о том, как германский, французский комсомолец участвует в подготовке международного пролетарского революционного.

1 МАЯ В КРАСНОЙ СТОЛИЦЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи:	Стр.
Н. И. БУХАРИН	
Давнизм и марксизм . . .	10
Рассказы и очерки:	
Мих. ГОЛЬДБЕРГ	
Федька-Махно—Федька-Аме- риканец	4
Ив. ОСИПОВ	
Ночь сталевара Заплатни- кова	21
Стихи:	
А. РЕШЕТОВ	
Из комсомольской поэмы . .	17
Проблемы второй пяти- летки:	
Мих. РОЗ,	
Живые чудеса Востока . . .	8
Комсомол на фронте строи- ки	2
„Плюс электрификация (Фото- монтаж строящихся электростан- ций)	18—19
Крепите тихоокеанский флот социализма	20
Цех заимательной техники . . .	22
Бытовая консультация	23
Рисунки:	
В. Ерискина, В. Медведева.	
Фото:	
А. Скуригина, Коновалова, Союзфото.	

Перед Большим театром на площади им. Свердлова огромный макет шарикоподшипника

Парад на Красной площади

ФЕДЬКА-МАХНО — ФЕДЬКА-АМЕРИКАНЕЦ

Хроника одной
неза-оцененной
часть советской
истории

I. КАНЦЕПАРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Карандаш, выданный на неделю, крошится под давлением, и Федька снова с яростью принимается скоблить тоненький синий брусок.

Большеротый, тщедушный, он скрючился на школьной скамье. Швыряется деревянными зазубками. Перочинный нож жжет его потную руку.

Шава на тормозит его и зудит над ухом: — А-а... карандаш сломается... Го-го... сломается карандаш!

— Отойди, ребята, мне же на неделю дали...—страстно шепчет Федька.

Глаз его видит, как вылезает вороньяная игла графита. Он осторожно дотрагивается пальцем: держится. Теперь маленько подскоблать.

— Приятский, голодай... зад свой отгай! — бьет его в сердце озорные слова.

Сломанная игла...

Черная пыльца на лезвии...

Желтая мякоть полшубки...

Сразу же всаживает Федор Серебряков перочинный ножик в плечо товарища.

Десятки рук вцепляются в него. Хиурое лицо заведующего возникает перед ним. Неумолимая кара приближается к нему.

— Серебряков, больше в школу ходить не будешь.

Ага, еще будешь. Ладно. Точка. Серебряков выходит на пыльную улицу Кологрива. Воспитатель детского дома им. Ленина Федор Серебряков раздумывает, что предпринять. Сквозь дырявый баш пощипнул до песка и ласково трет затылок. Дорога лежит перед Серебряковым.

...В мире есть старые рыбацкие лодки, раскохмисие, забытые рыбаками на пустынном берегу. Есть пристани с бухтами смеленных канатов, на которых можно спать, пригнув голову к ногам. Есть теплые пески пляжей. Есть углубные вагоны, тугие вистерии, искривляющие торцы вокзалов, лесные дороги—огромный мир Федьки Серебрякова. Но Шурка, Шура! Белооголовый, курчавый братишка не выходит из головы. Он там, в синем каменном доме. Дом синий и ветхий, как халат Гуты Леонтьевны. Опять услышит Федька ее торопливные шаги, ее тонкий управившийся голос:

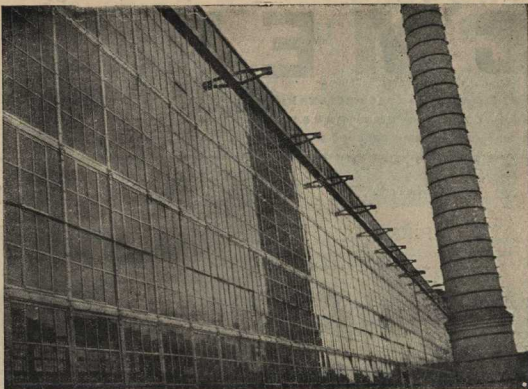
— Федюшка, нехорошо так... Федюшка, тебе нужно двигаться вперед...

II. ВОТ НАЧАЛО ЖИЗНИ

Каждая морщинка на уставом озобоченном лице Гуты Леонтьевны знакома Серебрякову. Что было до этих морщинок? Может быть лицо матери?

Широкая чугунная лестница приюта, старухи, дети в черном, худая ламота в колеснях и спине от ежедневных молебнов — вот начало жизни. Нет, он не помнит материнских глаз. Угрюмый «папюхач»—благотворитель склоняется над ним, и огромная гибкая амьса, скрипя, покатывается в его руке. И эта амьса—папюхач — жалит, жалит фелдшнику спину. Длинный и озорной, Федька ударил из приютской церкви во время службы и должен нести кару.

Девятнадцатый фелдшник брат Иван решаете убить «папюхачу» и отграбить церковь. Однажды, забравшись на верхнюю площадку лестницы, он сбрасывает таежный кука на голову благотворителя.

...Они строили завод из стекла и железа

Насажает полиция.

Берут Ивана в костромскую тюрьму для малолетних.

Но он бежит оттуда.

С трехлетним Шушкой остается в прокатном доме Федька, а папюхач «папюхич» еще даже волосует сплуну — за брата.

— Пахча. Трезвоит в небе колокола. Яйца крашенные дают приютским. «В очередь, дети, в очередь. Сухая рука маленьки отталкивает его от корзины: «Прочь, прочь. Ничего не давать брату разбойника».

Ночью тычется в окно исклоблочная голова Ивана.

— Собираюсь...

— А Шурка?

— Пусть спит.

Так они ушли, маленькие и отчаянные, в 1916 году из царского приюта.

Они научились воровать у баб на рынках картошку. Узнали написанный устав бродяг. Овладели техникой картонного боя. Иван был главным добытчиком — его били чаще. Федька караулил квартиру—какую-нибудь опрокинутую вверх дном лодку на волжском берегу — в убиравшей вшей, лениво купался и тосковал по братишке. Как Шушку достать?

Революция схватывала их за руку и потащила в варобазы и детские дома. Но они убежали, так как злили гету приютской жизни. Великая революция, которая совершалась для них, мелькала дырявыми товарными составами, серыми лицами солдат, толнами рабочих и матерей, несших красные доскутья на плечах. Может быть илет среди этой толпы и Егор Серебряков—рабочий Кологривского лесопильного завода, не вернувшийся с германской войны? Вот стоят его два сына в отряпах на краю мостовой, старчески заснувши руки в рукаве рубаха и согнув плечи. Но никто не знает, где Егор Серебряков.

...Однажды они решили проведать Шурку. Лесная дорога вела к знакомым местам. Встретили мужик с котомкой.

— Дай, дяденька, кусок хлеба,—попросил они честно, благородно, хеста носили при себе ножи.

Вместо «папючки» в приюте управляла сутливый старушонка—Гута Леонтьевна. Седая гривка выбивалась из-под белой косынки Леонтьевны.

В детстве учили петь песни. Приплетов обмыли и выкормили. Братья решили не расставаться.

...Шумит за окном базар. Тоскует Федька, выскальзывает из дома. Иван не с ним—Иван заступ, ушел Иван, зарился в слесарню мастерской.

Однажды увидел Федька, как брат медленно обтирает тряпкой почернявшие руки. Была конча рабочего дня в мастерской. На шербаках столяков, на верстаках стлыли брошенные куски железа, илени, молотки, напильники.

— Иди в школу, Федька,—строго сказаза брат, шмыряя в угод тряпку.

И вот в первый раз получили Серебряков карандаш и серую тетрадку. Шпана излезалась за то, что сама воршичка и был маленький и заносчивый.

...«Серебряков, больше в школу ходить не будешь». Буццы остаются только следы на песке.

Дорога лежит перед Серебряковым. Куда ведет дорога?

III. ЧТО ПРОИСХОДИЛО ЗА ОКЕАНОМ И В ГОРОДЕ КОЛОГРИВЕ

В тот самый год, когда Федора Серебрякова за хулиганство прогнали из школы, группа коммунистов и инженеров из Советской страны пересекла Атлантический океан и явилась в контору Генри Форда в городе Дирборне для важных переговоров. Стране нужны были автомашины. Советские представители вначале договаривались лишь о закупке у Форда сборных автомашин.

Ноябрь 1928 года. В Москве—сессия Центрального исполнительного комитета. Летит по тысячечертовому кабелю известие: принято ЦИК и СНК решение о постройке крупного автозавода с годовою программой в 100—140 тысяч машин. Местом для постройки избран район в 10 километрах от Нижнего-Новгорода.

В Америке читают каблотовграмму, а в это время в глубь Нижегородского края, в бревенчатом городе Кологириве, юркий бошеровый паренек запрягал в конюшню коня-жереба, чтобы ехать за продуктами для детдома. Решил остаться конюхом при детдоме Федор Серебряков.

— Труш... труш... Мишенька,—ласково бормочет он и заглядывает в глаза старому коневладельцу коню.

В темной сгущенной глубине зрачков спрятав маленький мир дурно, сруб колодца, ведро на крючке, доску от неба. Огромная нежность славивает фельдью сердие.

Он не слезал с конюшней, гивад, мчался всякий, путая прохлжих сонного города. Вечером зыскала на сенояде в соседстве с кони. С утра снова начиналась веселая суета—и Серебряков с наемшкой смотрел, как трепыхалась седая гривка на морщинистом лобике Гуты Леонтьевны. «Федюшка, говорит, тебе в комсомол надо». А что комсомол? Собрание? Книжки читать? Ему и так хорошо.

Как-то, подождав к пивной деткомиссии, куда ежедневно надо было возить бутылки со склала, Фельдя заметка, как расстрепанный, косягозаян паренё ощущувал карманы пыльного человека, валавшегося к канаве.

— Положь обратно!—внезапно крикнул Фельдя и соскочил с конюшки.

Парень спокойно посмотрел на него. Был он весь потный, жаркий, без пояса,—пояс забыл в пивной.

Отделене было близко. Оттуда вышла Фельдя не один, а со знакомым милиционером Алексеем. Вдвоем они взяли косягозаяго.

— Подавя, Серебряков, в Осодимид,—предложил Алексей.—Получишь свисток,—добавил они, улыбаясь, так как знал, что Фельдя этим возмешся.—Дадут книжечку, чтобы штрафовать, которые нарушают порядок. Будешь оказывать повседневную помощь рабоче-крестьянской милиции...

Когда Серебряков украсил грудь свистком на цепочке и стал ежедневно водить кологиривских пивниц в отделение, авторитет его в детдоме сразу возрос необычайно. По его следам ходила стая ребят, восхищающаяся отва-

гой и строгостью новоявленного блюстителя порядка.

Дух иредителя, умышленно сломавших ему ставку на лесонильном заводе, поручили ему вернуться лесом из Кологирива в Мантурово. Миллионеры жалели паренка: убью! Серебряков взяв винтовку в детские руки. Ни черта! 100 километров он не слускал глаза с крутых спиных обочек верев. «Оправится? Оправляется тут».

Крутлый лоб его покрывался потом, винтовка горела в цепках руках, влекла зысмаля—отдохни, отдохни—но он упорно переставлял ноги в истерпавшихся будках. Маленький, бошеровый, взерошенный воинственный воробышек,—он долел арестованных до мантуровского исправдома и плазушка расписку.

...Вернувшись, шестнадцатилетний конюх детдома подла заявление в комсомол.

IV. КОМСОМЛЬСКАЯ ПУТЬВНА

В нью-йоркском метро шуршат газетные пассажиры. Крикливая заметка на первой полосе «New York Times» иронически спрашивает «московское правительство»: «спозвольте ли спросить московское правительство, откуда они возьмут необходимые квалифинированные силы, чтобы построить автомобильный завод, рассчитанный как будто на выпуск 100 тысяч машин в год, а затем, чтобы эксплуатировать его?»

Пассажеры хмуро переворачивают страничку. Московское правительство, московское правительство! Пресса назойливо жужжит об этом каждый день.

Бывший нью-йоркский инструментальщик Степан Дибяц назначен начальником Австротреста и едет в Америку размещать заказы. «Еле пропустят Дибяца»—визжит пресса.

В СССР, в провинции, в деревянном сарае сидит сын паровозного машиниста Лайко и переписывает в тетрадку английские слова. Спустя месяц человек он стоит на борту парохода «Маджестик». Пятьдесят русских рабочих и инженеров урывают каменную истуканшу в нью-йоркском порту. Америка! Они приехали сюда овладеть машинами, которыми оборудуют ньюжеродский завод.

...Тоскливые серые деревушки, с тоскливыми именами—Моастырка, Борзовка, Карпов-

ка—тянутся вдоль пустынного алого берега Оки.

Борзовка. Деревня свалилась собачными дворами и поставала собак по всей округе.

Карповка. Помещик Карпов за бутылкой вина в одну ночь проиграл это селение своему соседу.

Моастырка. Не потчина ли это Троицко-сергиевского монастыря—первого на Руси введшего крепостное право? Вот история этих мест, куда со всех концов края—из Шарьи, Арзамаса, Лукновоя и Котельничей, Починок и Кологирива—собирались комсомольская пятисотка строить автомобильный гигант.

Вел кологиривскую бригаду бошеровый азорный паренек, которого все звали Махно за то, что бунушал на станциях, дугался с кооператорами, на всю компанию доставал папиросы и булочки, матерился, грозил арестовать всякого, кто помешает комсомольской бригаде беспрепятственно доехать до автозавода. На завод ехали 11-й, 12-й, 13-й год, деревенский комсомолец, батраки и избяки, летдокомиссия, организаторы колхозов. На стройке было голо, взрывала пенки, кое-где торчали балки. Приехавшие сложили кульки и сгрудились у окна отледа найма.

— На какую работу приехали?—спросили их.

— Учиться,—ответили кологиривские, так как были уверены, что их посадят на автомобиль и будут учить, как управлять машиной.

— Учиться здесь нет. Рабочих примизем,—насмешливо ответил служащий и, отвернувшись, протянул—колхозники...

— Провалить так провалить... пойдем на гаваль,—скомандовала Фельдя-Махно.

И они пошли через жаркий барачный Америкен-центр к берегу Оки, где жила в палатках комсомольские чернорабочие коммуны.

Скользят под ногами сходя, медленно поднимается перед глазами стена товарища, придавленная мешком цемента. Колишется река баржами, сылет огонь паровиков, тянутся платформы. День за днем, день за днем...

Эх, бросить на стол бригадиру путевку, уцепиться за подножку проходнойя поезда и ухватить неизвестно куда, неизвестно где слезть, выслаться на змега, а наутро пойти спанить по широкому миру!

Задворки деревни Моастырки смотрели на дорогу, ведущую к социалистическому городу

В. МЕНДУ ТЕМ ОСТАВАЕТСЯ БЕТОНОЗАВОД

Для бетона нужен мелкий камень, который достают черпаками со дна рек. Завод вырывает из человеческих глубин усилия—добрые, разрозненные, как гравий.

Пятьдесят комсомольцев сняты с гавани и с берега Оки брошены на берег Волги за 160 километров, в такой неуточенный грохот и пухтешие землечерпалки, толкая тачки по узкому борту баржи, грузить и грузить для стройки гравий, без которого нет бетона. До них работала здесь артель. Баржу в 220 кубометров, которую приехавшие комсомольцы нагрузили за 7 часов, артель держала по 3—4 дня. За километрами речного пути, на пыльной взрошенной площадке Автостроя, затихал, мертвел бетонный завод. Дребезжали звонки в постройке: «гравий, гравий», статья в газете «Автогигант» твердила: «гравий, гравий, дайте бетонному гравью, мобилизоваться на гравий—иначе сорвет темп». Сюда не доходила тревога.

Фельда-Махно стоит с лопатой на мокрых досках баржи. В Волге дрожат ситневые теги работающих людей. Взад и вперед дергается снаряд, идет с грязью и тинной речной камеш, хлещет струя из брандспойта. Только бы не отстать от машины! Лучше не разгибать спины—до конца смены неодолю.

— Ой, братцы,—вскрикнул, Сербряков и выпускает лопату.
Кровь марает его пальцы, запутавшись в жарких волосах. Острый кусок отлетел от машины и доганаду череп камешным клювом.

— Крой в амбулаторию,—распорядился бригадир, сормовский комсомолец Чепаскин. А у самого досада на лице, с'ехал на затылок кепка.

Сербряков уныло ругается и садится на край баржи. Медленно с загорелого тела соскакивает рубашку, полочет ее в воде. Неуклюже повывая голову, он становится к брандспойту—это легче, чем с лопатой, а до конца смены уходить нельзя, ребята не дадут баржи. Санька Липенский, бригадир второй смены, будет жулить, насмехаться: «Так, так, так

...С главного конвейера стали сходить машины

очень замечательно, соревнование идет на всех парах... Ну и тип этот Липенский! Тонкий, белесый, ручки—хворостинки, а работает, как заверь.

Коммуна рождалась на барже в травле ленте, в ежедневных собраниях: даешь, даешь, — в рапортах и требованиях, которые писала собоица на завод, в налетах Осодима и легкой кавалерии, которую Фельда-Махно вел из залуноватой столовой в лавку проворвавшегося кооператора.

Иногда, отработав смену, Сербряков приваливался в уголке баржи и, болтая ногами в воде, наблюдал, как работают воловоны на землечерпалке, как работает снаряд «Ладжский 2». Кошки все шли и шли на темной глубине реки, роняя тонкие струйки. Сербрякова восхищала неиссякаемая выносливость маши-

на. Он поближе познакомился с вахтенным. Как-то, работая в ночную смену, он услышал, как завыло на лопате железо. Нагнулся и пошарил: боит. Откуда боит? Догадка хлещет из волной. Палец! Чугунный палец, на котором держится ковш. Вахтенный черта ругался, что скоро все пальцы перетрут и ковши потонут.

— Э-эй! — заревел Махно и бросился к снаряду.

Ночь сомула тишину над землечерпалкой и баржами. Красный огонек фонаря ползал от мостика багермейстера к ковшам. Так и есть. Еще одно круговое движение—и ковш пошел бы ко дну, машина стала бы до осени.

Тогда в первый раз преимовали Сербрякова, и Санька Липенский, шуря себе глазами под белями редкими бровями, поглаживая пальцем подбородок, с комичной серьезностью жал ему руку: «Уважаемый Махно, вы совершили подвиг...»

Шли баржи с гравием вниз по реке—на юго-восток, на юго-восток—к пристани автозавода, к шумливой гавани, где жили в палатках товарищи по борьбе. Шел гравий в бетон, чтоб сцепиться с цементом,—шел, оцищенный мощной струей от грязи и тины,—и брандспойт держал непугувый белосеротый Фельда-Махно, объединивший свои усилия с коммуна.

VI. ПОЧЕМУ НЕПКА НАДВИНУТА НА ГАЗАТ

Его товарищи уже спялись с гавани и ушли бригадами на стройку. Над голым полем нависла стальная лагуна цехов. Бригады ушли замешивать и заливать 100 тысяч кубометров бетона, прокладывать 60 километров труб, стеклить, строить дома социалистического города, подымать иранскую ТЭЦ и водонапорную башню. И это даст завод.

А его выдвигают на работу в почту. Почта—весь это тоже фронт. Так сказали в коммуне и в парткоме. И Сербряков сидит—грязный, шумливый, за перерогодой в барже рядом с баржниками на Нижнем и неразговорчивыми пожелавшим людьми в потертых пиджаках, Мимо баржа проходит ребята, загадывают в око, кричат:

— Фельда! Махно! Бюрократом заведает!
— Проходи, проходи живей,—скрепящая улыбку, отвечает Фельда.

Он составляет список подписчиков на газеты. Сотни, тысячи фамилий входят в его жизнь. Фамилии, списки, ведомости. Озани список потерял, двух не прислали с участков. Буквы у него нервные.

Юнгштурмовка темнеет пятнами пота, портуя сползает с лица.

Пожилые служащие разглядывают Сербрякова сквозь пыльные пенсне, по-бычьему наклонив ласковые головы. Баржники не откликаются на его шутки и замечания.

— Давай собрание собирай,—то и дело тербит он предместока.

— В рабочее время?

— Давай в рабочее время...

На собрании он говорит долго и бессвязно, всех обзывает бюрократами. А через три дня статья в газете «Автогигант»: «Безобразия и злоупотребления на почте. Подаря трудовой дисциплины. Сербряков в рабочее время соизмыкает собрания. Требуем общественного суда».

— Что ж, Санька, убежать?—спрашивает Сербрякова у Липенского, ставшего председателем коммуны «КИМ». И добавляет дрогнувшим голосом: — Пойти на тупой нож?.

— Если убежишь—не являйся больше... Не оправдай ты доверия коммуны,—говорит Ли-

Военной город тонет в грязи

венский, и всладней усмехки не слышно в его словах.—Приходи завтра на бетонный.

На бетоном дранис за 600 кубометров в день, там стояли на восток лучшие коммунары—Липенский, Крутолов, Чепакин, маленький чуханш Михайлов. Серебряков приходил на работу с надвинутой на глаза кепкой—тяжелое, неизвестное до сих пор чувство позора мешало смотреть на мир. Общественный суд над почтовиками заклеил и его. С угрюмой яростью бросал он маленькое свое гибкое тело на вагонетки с цементом.

Бетонный не знал ночного затишья. Гаси и вновь зажигались огни, отфыркиваясь, поднимались грузовики по деревянному горбу эстакады, набирали серую жгуку, исчезали в ночи, вновь появлялись. Была осень 1931 года. По жидкой грязи дорог из Каналина, Сорнова, Нижнего шли рабочие отряды на помощь заводу. Комсомольская дивизия становилась в заливаемые водой траншеи фискального колдестора.

Отдав Бетонному заводу 10 часов, коммунары присоединились к сорновчанам и каналинцам. Серенький, наспех напечатанный комсомольский листок «Штурм» взял их к победе.

Ноябрьским утром на бетонный позвонил из райкома комсомола:

— Выделить четырех лучших комсомольцев на производственную практику в Люберцы.

Только четырех. А остальные? Остальные не должны выходить из траншеи.

Среди лучших значился Серебряков.

VII. КЛЕЩИ В РУКАХ

Серый валенок давит на педаль.

— Прямая нога!—напоминает кузнец.

Но молотому награвельщику неподходящая сила мешает нажать ногу. Морщины вздрагивают на круглом лбу, широкие губы кривятся от напряжения. «Аякс» криво и зажимает деталь. Сквозь металлический штанин груется пламя и дым. Пахнет и обожался потом, гиперпальчик порочит расклеванный брусоч в узкой расщелине машины, освещая мутным красноватым светом тяжелейший молот.

— Нет, рано тебя еще на машину ставить,—добродушно говорит кузнец Мельшину и берет у награвельщика клещи.

Фельда снова становится к печи. Желтое пламя ровно бушует. Он подкручивает винт нефтоподвода. «Большие нефть—меньше окислитель»—вспоминает Серебряков занятия техкружка. Подав Мельшину заготовку, он выливается взглядом в движение худых, но мускулистых рук. Мельшину перекачивает заготовку спица из ручья в ручей спокойно и легко. Сухая пряжа синия не гнется. Расклеванная коновочная машина покорно излагает под легким нажимом его ноги.

— Давай попробую,—страстно шепчет Серебряков.

— Больно ты парень быстрый,—отвечает Мельшину.—Ну, давай.

Мельшину непрочит покурить.

Автостроевский проклянул горяч, кровь бурлит.

Покруивая, кузнец с умильной наблюдает, как метается у машины практикант. Вот теперь отштампована правильно. «Старается»—отмечает Мельшину.

— Ты бола не сломай, дальнее упора не суй,—подходит, говорит он Серебрякову, и в этих словах слышит Фельда тихую похвалу.

Пока в пятидесятилетней грязной кузнице Люберецкого завода нажимают ледяная «Аякса» автостроевские практиканты—русские инженеры и рабочие кончат дела в Америке и собираются в обратный рейс. Командированный Лайко сидит в детройтской гостинице над чертежами самой совершенной в мире

ковочной машины «Национал», Форд выбрасывает «Аяксов» и ставит у себя «Национал». Но все «Аяксов» Форд заменить не может. Все гуще, все пущеюне отагодуе удала в фордовской кузнице. Длинная отердь фордов-

Федор Серебряков

ских рабочих выстраивает у котормы Автострой в Детройте. На кассеидере—1931 год.

Люберецкий завод набирает тепл в производстве электотребков.

В красном уголке завода сушат прогнутый лист. Обвиняет комсомольская рыжая юнгушумовка, автостроевский практикант. Он то и дело задает вопросы подсуждающему—саженю роста, узкоглагозому, крепкому парню, густо усмахоуеусеу.

— Сознательные рабочие так не делают,—говорит, выходя вперед и поправляя портупею, безусый прокурор, глава председатели, старый бобельщик, дает ему слово.—Почему не вышет? Почему подравняет трудовую дисциплину? (Заоголочи «Автомогант» ответилоно вспоминаются прорурору). Сознись ли ты причине, что не только себе внятно положила, но и на всех рабочих? Также крестьянина подравывает.—«Обтесал наизенко...»—слушая учителя, думает Мельшину.

VIII. РУГАЕТСЯ СТАРЫЙ ЕРМАКОВ

Машина! Не о ней ли думал Фельда, когда сидел на барже в Пясеи или когда бежал котенком за земееустроителем, гордоидно проносившим по Кологизуву таинственный жезлный лок со стеклами? Было это давню. С братом Иваном вернулись они в родной город повидать меньшого братаика и застряли в детеломе у добрейшей Гуты Леонтьевны.

В духонный отпуск едет Фельда гостить к брату Ивану.

Брат Иван теперь работает встараршем на Пресненском механическом. Возвращается Фельда в шегоделовые «джинсы», остроисельный под «боксы», с нестрим шармом, небрежно закурившим вокруг себя. Московская жизнь чертовски нравится ему. Главнюе—калдификация. Брат Иван получил 7-й разряд. А Фельда лишь кузнец со вторым разрядом.

Мельшину советует: «учись на установщике». Коммунары поддерживают: «проб, Американица, на установщике». Американица—это за джинжи и штаны.

Штаны, прокладки... Хитрое дело! Хлопотливое дело! Стоит старый установщик Ермаков два часа на машине, возится, возится—не заметил, как сплела штанины... Подойти и пернуть—картина будет! Фельда пересылает себя.

Простая мысль пришла в голову. Зачем 48 прокладок к штанам? Ходит по пеху старый Ермаков, крест в бога и душу—где прокладки, где вязь?

А что, если соединить все прокладки в один кусок? Вклады отнять чуточку по размеру, что тогда?

Он высказал свою мысль Ермакову. Старик помогал.

— Высчитать надо точно,—наконец прокричал установщик и вытаскил из кармана метр.

Высчитал, написал заказ. Фельда забегал в литейную—делайте скорей вклады!

Испытала фельдино приспособление сначала на маленькой трехдюймовой машине. Пошла! Тогда сделали вкладыши и на другим машинкам. В два часа быстрей пошла работа.

Ермаков не отпустил Серебрякова. Позаочерашний награвельщик, вчерашний кузнец стал изучать сложную науку установки штампа.

IX. ВСТРЕЧА, ОБУСЛОВЛЕННАЯ ВСЕМ ХОДОМ СОБЫТИЙ

Встреча происходит в западном крыле кузнечного корпуса Автозавода. Корпусе похож на гигантские коммунные клещи. Одна ручка—восточное крыло, цех «А». Шпнлат и грохочут паровые молоты «ИРи». Голова клещей—цех «С». Тихо пламенеют заколочные печи, крепятся лента с кошками от агрегата к агрегату. Вторая ручка—западное крыло, цех «Б». Здесь залегли черные мукомельные «Националы». Здесь вернувшись из Америки сын парового машиниста, смешный инженер—коммунист Лайко дал задание вернушемуся из Люберцев Серебрякову, бывшему безпророчнику, коммунару, молодому кандидату партии.

— Деталь АА—4518.

Фельда-Американица принимает блокнот.

— На какой машине?—осведомляется он.

— На 4-дюймовой.

В чьере часа урта Серебряков приходит в цех и мучительно возится со штампами. Что за черт! В Люберцах выходило—здесь не выходит. Деталь идет с перекосом. Он с негодованием шмыряет прочт сразу деталь, дуплинуется оканной. А нужно успеть. Дал слово. Он берет шуп. Тонюсенькие стальные листики дождят в его пальцах. Тысячные доли дюйма. Тонюсенький Старый Ермаков засыпался бы тут. Нет, нет, это не Люберцы...

Рабочий день настает. Грузнейшие гравий в Пясее, штурмованные фискальный колдестор,—они собираются вокруг Лайко. Инженер схлопнулся над 4-дюймовой машиной. Штаны не встались... Простой. Стоит участок. Стоит линия механического цеха. Заирает главный кофевёр.

В чем же ошибка Серебрякова? Бригада терпели сбивается вокруг машины. Заселая наверх, свесили головы. Лайко измеряет зазоры шупом. Кубанка его то опускается, то вздергивается.

Серебряков следит за Лайко. Вот входит в его жизнь этот человек, как вошел брат Иван, Гута Леонтьевна, милиционер Алексей, старший Ермаков, смешанный Липенский. И он уже угадывает, что скажет Лайко.

— Надо изучить машину. Это не «Аякс». Здесь клин с выступом—понял? Клин у тебя сдвинут пуансономдержатель...

Серебряков вынимает блокнот. Начертать клин. Записать. Высчитать.

Морщина уворота пересекает его лоб.

ЖИВЫЕ ЧУДЕСА ВОСТОКА

1. О НЕМЫСЛИМЫХ УЖАСАХ СОЛНЦА СРЕДНЕЙ АЗИИ И О ТОМ, ЧТО ТВОРИТСЯ ПОД ЭТИМ ЖЕ СОЛНЦЕМ

«Солнечный Восток... Страна восточного солнца... Под солнцем Азии, азиатское солнце...»

Можно было бы сказать, что нет ни одного произведения в прозе или в стихах о Средней Азии, где бы не сквозило сверкающее, пыльное, знойное, огненное, испепеляющее солнце. Нет такого романа, рассказа, стиха! Солнце Азии уже в феврале поджаривает спину отропелого приезжего, который еще три дня назад неся в снежной пурге стегей и, замороженный холодом, рысью возвращался в вагон из своей экспедиции за кинитком. Но вот он в Средней Азии. Зеленеет деревья и греет просявливое солнце. Оно действительно жаркое, знойное и вне всякого сомнения оплеывает, о чем свидетельствуют многие произведения. Ослепляет настолько, что писатель уже ничего не видит вокруг себя и, возвращаясь в родные прохладные края, пишет о немых ужасах солнца.

— Ложь! — не выдержав, воск-

ликнул т. Почечутов из Госплана на совещании в «Комсомолецкой правде». — Комсомолецкая правда! — до сих пор у нас еще распространены сказки Шехерезады о стране Востока — Туркестане. Вот на пленуме один товарищ специально демонстрировал номер журнала «Природа и революция». В этом журнале есть статья, в которой описывается, что «в двенадцать часов, когда начинается жара, в Средней Азии не только люди, но и верблюды спешат укрыться в тень, и вся жизнь замирает».

— Это совершеннейшая ложь! — воскликнул Почечутов, — это совершенно ложное освещение трудовому энтузиазму, который, невзирая на зной солнца, воодушевляет трудящихся Средней Азии бороться за осуществление задач, поставленных перед ними партий и рабочим классом Советского союза. Эти литераторы не замечают, что в самую жару дымится труба, что работает АЗЫДУК, что хлопкоробы неустанно собирают коробки с хлопчатником на полях Таджикистана и Узбекистана.

Но все же среднеазиатское солнце — ужаснейшее светило, если оно настолько уморило лите-

раторов, что они до сих пор не удосужились рассказать о замечательных событиях в Средней Азии. Нам повсюду: от архивных деривахов под тенистыми сводами древних мечетей, а в это время в течение всего лишь трех лет на фабриках и заводах Средней Азии число рабочих увеличилось с 24 тысячи до 32 тысячи!

До сих пор лучшие произведения о Востоке рассказывают только о том, как Гюль-Айна сняла паранджу, и заключительные строки увенчивают роман, повесть, поэму формулой: «Так умирает старая Азия». Один факт ситной паранджи (без сомнения факт крупнейшего культурно-политического значения) описывается бесчисленно и неостаточно. Но где же зальти хотя бы тончайшую брошюру или наметку рассказа о женщинах Туркмени, Узбекистана и Таджикистана, героинях социалистического строя, о женщинах на заводах, в колхозе, на тракторе, на гидростанции, в вузе, в партийном комитете, в правительстве? Их много тысяч, для них сброшенная паранджа — уже давний эпизод далеких дней жизни. Ордена ползучей женщины Средней Азии за по-

двиги в победных сражениях пятилетия!

В Средней Азии созданы новые, невиданные в тех местах отрасли промышленности, уже в первой пятилетке работают текстильные фабрики в Ашхабаде, в Фергане, пускается в ход Усейский цементный завод, построен гигант хлопкового машиностроения — Ташкентский селмаш.

Невольник бая — кочевник, вышедший из полудикого бытия, становится пролетарским инженером. Где, в какой книге рассказано о нем больше двух строк:

«Али трился на завод. Так умирает старая Азия.»

В довоенное время мощность электростанций Средней Азии не превышала 3,800 киловатт, сейчас, в конце первой пятилетки, она достигла до 56,000 киловатт.

«... Бредут веренищами верблюдов, — вот еще обязательная строка восточных трудов. Четвертая автомобиль была в начале пятилетки, пять тысяч — теперь!»

«В караван-сараях истомленные жаждой пьют кок-чай». Истомленные жаждой науки узбеки, туркмены, таджики, каракалпакки заполняют аудитории вузов.

В начале пятидесятых был только один вуз, сейчас 12 тысяч человек учится в техникумах и вузах.

У Памира, в пустыне, на Вахше, подходит к концу строительство грандиозного оросительного канала. С высоты 3380 метров с дельты Памира падают воды Вахша и превращаются в электростанцию. Каокичские потоки дадут энергию в 42 тысячи лошадиных сил, тогда на границе Афганистана засеражут электрические линии, 120 тысяч га пустыни заселят, защитят хлопком.

Энтузиазм строителей социализма огненнее самого любого субтропического солнца. Вот как умирает старая Азия!

В мертвой пустыне, в делях песков день и ночь дымится труба завода, на дюнах берегах древних рек — ослепительные электрические огни, в делях земли добываются ценные руды, строятся химические комбинаты; там, где сто лет назад не стояла нога человека, куда не забегал дикий зверь, там — неумолимая сила электричества. Вот истинные живые чудеса нашего Востока, о них хроникально сообщается в нашем очерке, ибо один Кара-Мазар — тема и неисчерпаемый материал для десятка романов, повестей, рассказов, поэмы и стихотворений.

Но прежде нужно вспомнить еще несколько типов «лодов экзотики, солнца и восточных красок». Совсем недавно несколько таких музеев-геологов, шествуя на заседания планирующих организаций с портфелями, вспоминали горы отгоревших вероломов, доказывая материалами своих соизмерительных исследований, что, дескать, «Туркестан безрулен».

Горы Средней Азии можно сравнить с Альпами. Нет, нет, не стоит и подступать к горам, немалым взрывать недр. Эти горы существуют только лишь для того, чтобы на них любоваться. Это — местные Альпы.

Так умилительно убеждали они. Но большевики Средней Азии сквозь сладкую улыбку распознают хищные клыки вредителей, в их голосе слышатся рык реставраторских аплетитов, — и первый же взрывающий камень «Альп» сокрушил вредителей, попытавшихся сорвать индустриализацию, развитие прежде остальных национальных окраин.

Нечисленные горные богатства Кара-Мазара, не счесть скачущих богатств всей Средней Азии, тысячу лет считавшихся второй пятилеткой.

Уголь, медь, свинец, железо, цинк, сера, цемент, сульфит, алюминий, калий, азот, гиганты энергии, животноводческие прерии, железные дороги, гиганты новой техники — только бегом можно очертить в краткой очерке великую панораму второй пятилетки Средней Азии.

II. ПЕРВАЯ МОЛНИЯ! ИЗ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОР, НОВЫЕ ВЕСТИ НЕДР. ОТПРАВЛЯЕМ К ЧУДЕСАМ НА ЧИРЧИК-РЕКУ

В сентябре прошлого года московский телеграф принял телеграмму-молнию из Ташкента. Эта телеграмма навсегда останется в истории. Она пришла от северных склонов Кара-Мазара, из алмазских месторождений меди.

«ЦК ВКП(б) — ст. Сталлину, Кагановичу, Соляковому СССР — тов. Молотову, Рудуктаку, Госплану СССР — тов. Куйбышеву, ВСХВ СССР — тов. Орджоникидзе».

Пятинадцатого сентября на глубине сорока метров буровая на алмазском медном месторождении достигла халькозинной зоны с содержанием меди в руде пять процентов. Пройдена зона на четыре с половиной метра. Рудная зона продолжается.

Секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) БАУМАНЬ.

В Казахстане начинают разрабатываться крупнейшие в мире каундовое медное месторождение с запасом в миллион семьсот тысяч тонн меди. При первых разведках на Алмалыке обнаружено два миллиона тонн. В дальнейшем дни и месяцы измыслили доносят новые вести:

— Миллион... миллион... миллионы...
Вскоре появляется первое официальное доносение с гор:

350 месторождений подметаллов уже зарегистрировано на Кара-Мазаре

Среди скалистых вершин залегают серебристые свинцово-цинковые руды, их пласты достигают мощности в десять метров. Вокруг сверкающих металлов грозятся шестистые гигады мразирозы, делят змеиный и бурый кремнезем. Их будут также добывать — для домов и дорог. Живы радиодиагностических труб тянутся на Габовшарском участке, кварц, колчедан, серебро и свинцовые металлы. На Кипсте тысячи тонн сулят неисчислимые месторождения высококачественного свинца, цинка с примесью меди, серебра и кадмия. Грандиозные заводы Кара-Мазара и Южной Киргизии дадут позвонку всей программы Советского союза по добыче свинца.

На XVI съезде партии вождем партии и рабочего класса сказал:

— Нам нужно создать кроме того новые базы цветной металлургии в Казахстане, в Туркестане.

— Даем, товарищ Сталин, — отвечает Средазия Азии, и первая телеграмма из Кара-Мазара адресована в Москву — Сталину.

На этом мы прерываем перечисление и кратчайший обзор черных металлов. Они далеко не исчерпан, как неисчерпаемы богатства, раскрывающихся во второй среднеазиатской пятилетке.

III. ЧУДЕСА ОУДАВЛЯЮТСЯ ЛИШЬНЫМИ ЧУДЕСНОГО — В ЭТОМ УБЕЖДАЮТ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, ВОДА И ГЛАВНОЕ ВОЗДУХ

Живые чудеса, совершаемые большевиками, отображаются в живых цифрах. Четыре года назад на хлопковых полях Средней Азии работало всего 1600 тракторов. Сейчас гулят по землям Узбекстана, Туркмени и Таджикистана свыше 10.000.

Средняя Азия — основная хлопковая база Советского союза. Хлопок Средней Азии освобождает нашу страну от иностранной зависимости.

Древние сельскохозяйственные орудия в испуге отступают перед мощным трактором, но хлопок нуждается в правильном, заботливом агрокультурном обслуживании, и наша хлопковая независимость (это не игра слов) находится в зависимости от повышения урожайности.

В этом — основная проблема социалистической реконструкции Средней Азии.

Как со скачущей щедростью разрастается хлопок, можно узнать на берегу реки Чирчик.

Грандиозная гидростанция и чирчикский азотный комбинат станут добывать из воздуха сотни тысяч тонн кристаллов аммиачной селитры. Рассказывая об этом, мы волеи-волею вступили в противоречие со своим же вступлением. Удобрения, тысячные вагоны на воздух добавляются без всяких чудес — их именует химия. Всюду электроток и вода!

Ток разлагает воду на водород и кислород, газы вводятся в отдельные баллоны, и тут же водород в специальной камере сжигается и, ставшаясь с кислородом, опять превращается в воду. Но в воздухе есть еще азот, вода уходит, остается чистый газ — азот. Потом азот смешивается в одном цилиндре с водородом и нагревается до 500°. В итоге получается новый газ — аммиак. Охлажденный аммиак становится жидким. Тогда его сжигают — при чем образуется один из самых сильных кислот — азотная, — и наконец уже соединяется с аммиаком. Еще мгновение — и вот выделаются кристаллы аммиачной селитры. Бесплатное удобрение грузится в товарные вагоны.

Однако движимые дальше вдоль реки Чирчика.

Вода с гидростанции, пропущенная через турбины, ороет 600.000 га чирчикской долины. Но это... только часть среднеазиатского электроплана. Теперь отправимся в горы, к рекам, в степи, на дуга, в пустыни, к озерам, к селому Вахию, в вулканы, к кибижкам и юртам.

IV. ОТ ШЕЛКА ДО УГЛЯ, И ОПЯТЬ ОТ РЕЛС-СОВ ДО КАРАКУЛА, НА ВЕЛИКОМ ХУШАРЕ ВЕЛИКОГО ПРОРОЧЕСТВА

«Освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах в результате про-

никновения туда мирового капитализма, несмотря на незрелость общественных отношений в этих странах, ведет их к социалистическому развитию при условии, если они получат поддержку и помощь пролетарской диктатуры и мирового пролетарского движения» (Формула Ленина на II конгрессе Коминтерна).

На альпийских пастбищах по яркой розенной траве пасутся миллионы стада, пасутся в озных пустынях и на орошенных землях. Ненаскаемый мирабилит д залив Кара-Бугаз, прикаспийская нефть, медь и металлы, мощные разработки угля, каучук, 3 миллиона киловатт электростанций, текстильные фабрики, моторные суда на рыбных промыслах. Какая непреходящая, захватывающая творческая перспектива! На границе азиатских стран скоро начнет осуществляться вторая пятилетка Средней Азии.

Новая глава кордона целые планы еще в первые годы первой пятилетки, семьями переехавшие на буржюак реки, бежавшие из поволжья «отчины», слышавшие чудесные вести из советской Азии. Новые дворцы культуры, вузы, университеты, рабфак, школы, больницы! Цифры культурного строительства так же колоссальны, как и индустриальное развитие.

Железнодорожные рельсы прокладывают по берегу Умь-Дарьи, мимо караванных троп, в глубь цветущего Хорезма. Мертвую тишину под солнцем развеют гул и шум социалистического строительства — так умирает старая Азия!

«На-за границы, с именем аллаха и исламскими пудаментами, обыкновенно в разгар работ вырываются вооруженные инстинктивные империалисты набиты классового врага, бласные души — басмачи».

— На хояр, на хояр! — кричат тогда в кишлаках дехкане и, хватая палки, отрядами «кылыз таяк» (красными палочниками называли они себя) идут уничтожать классовых врагов и разбивают их врагов.

— На хояр! — так соизывают и перекликаются трупящиеся кишлаков, когда идут на обществуяющую починку мостов, на субботник или строят местный мост.

Ити на хояр! — ити на обществуяющую работу.

На великом хояре трудится Средняя Азия и выходит из второй великой войны. Кыштак и степи Средней Азии к концу второй пятилетки пошло в промышленность триста двадцать тысяч человек. Это в стране, еще недавно — полукочевой, полупастбищной.

... В солнечной стране ярко горит пламень генерального человека, предсказавшего этот путь дельца, так назав.

За Волгу, за оренбургские степи, за Каспий проносился его слух, за Азия конгресса Коминтерна.

Д. И. М. Э. М. Э. М.

К пятидесятилетию со дня смерти Дарвина

На протяжении XIX столетия нельзя отнять двух других имен, кроме имени Дарвина и Маркса, которые бы выражали целые громадные перевороты во всей мыслительной ориентации мыслителей нашего дня. Это теоретические концепции — и дарвинизм и марксизм — выросли из практической потребности эпохи, и это их происхождение можно почти прощупать руками, настолько ярки и очевидны во оно выражено. Оба они являются громадными синтезами, хотя и далеко не равновеликого порядка. Оба они служат мощными рычагами практического действия, совершенными орудиями анализа мира. И наконец, несмотря на так различный социальный генезис, марксизм включает в свое мировоззрение, сформированное всея как величайший из исторически данных синтезов, теорию Дарвина, взятую в ее существенных моментах. Оба течения стоят талим образом в исключительно специфических отношениях.

I

Социальный генезис дарвинизма

«Происхождение видов» Дарвина вышло в 1859 г. в том же году, когда появлялся на свет работа Маркса: «К критике политической экономии». Эпоха, которую переживал в то время английский капитализм, была эпохой его победоносного утверждения и триумфального мирового шествия. В 1848 г. английская буржуазия раздвинула последние выступление на так рыночный под командой герцога Веллингтона полтораста тысяч белогадерящих «костюбелей», сынов перуанской андской буржуазии, против сдвинутого движения в Лондоне. Почти одновременно она сокрушила повстанцев Ирландии, переживавшей эпоху страшного голода. Она прочно усадила у себя государственную власть и в порях общаанной самоуправления обесценила права при про рабочего класса еще с 1832 г. основные рычаги политического господства.

Английский капитал, жестокий, коварный, хитрый и крайне деспотичный и милитаристский, тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую «мастерскую мира», индустриальный центр мирового рынка. Здесь она уже была абсолютной, тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую «мастерскую мира», индустриальный центр мирового рынка. Здесь она уже была абсолютной, тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую «мастерскую мира», индустриальный центр мирового рынка. Здесь она уже была абсолютной, тяжелой поступью шел по мировой арене.

Сельское хозяйство после периода депрессии и низких цен обнаруживало явную негодящий поворот в сторону огромного подъема как раз вслед за отменой так называемых «хлебных законов». Технически прогрессивное капиталистское хозяйство сделало громадный скачок вперед.

Традиционная зернового хозяйства и скотоводства, введенное пласоменное хозяйство, древняя, импортного искусственного удобрения и сельскохозяйственных машин создали рациональное сельскохозяйственное производство.

Открытие в области агрохимии, животноводства, растениеводства, сельскохозяйственной машиностроения и т. д. сразу получили крупнейшую базу. Механика, физика, геология, химия, физиология, ботаника, зоо- и ветеринарии мобилизируются и приводятся в движение. Крупнейшую роль играет Королевская сельскохозяйственная академия, работа которой в значительной степени основана на эмпирико-индуктивном методе. Джемс Керд основывает в 1852 г. положение так:

«Ис один предыдущий период не имел большего генерального прогресса в области агри-

культурных усовершенствований, чем настоящий период».

А журнал «Квартерли Ревью» в 1858 г. с восторгом пишет:

«Фермеры проделают, дендилюды намереваются улучшить свои имения, рабочие перестали ненавидеть селку и молотилку; во время последней жатки в употреблении вошла женская компания; судьи держатся того мнения, что почти готов и экономичный паровой культиватор».

Английский капитал чувствует свое собственное полнокровие и лондонской всенной интравкой 1851 г. хочет представить artu et obru, свое мировое могущество, мощь своей техники, непобедимую силу своей цивилизации. Он становится дирижером и законодательем всемирной моды; ангомазия делается речивей владыкой «образованного» буржуа, который преклоняется перед английской машиной и английскими банками, английским парламентом и по-английски подтвержденный кобылой, перед английским искусством и английским ростбюром. Даже русские помещики испытывали на себе это обаяние английских чар.

Сочетание классовых сил за этот период было чрезвычайяно оригинальным. Исходным пунктом развития была, как мы упоминали, борьба между течением долгого ряда лет мужественное движение английского пролетариата создавало не раз критическую революционную ситуацию. Руками рабочих была проведена реформа 1832 г., социально-политическая давняя власть промышленной и средней торговой буржуазии, но на базе компромисса с помещельной аристократией — этии «идентичные» классы пролетариата. В 1844 г. диктатура была введена при помощи «закона о бедных», введен который режим рабочих зомов и вызвал возмущение труженников. В 1846 г. были отменены хлебные законы, и удовлетворенная буржуазия получила право на выборы.

Несмотря на экспантацию пролетариата, женщины и детей была фоном, который использовался торн против вигов; из рядов дворянства вышли своеобразные начальники о судьбе рабочих, ставшие женой своей критики против безжалостной буржуазной эксплоатации, агитаторы за фабричное законодательство; такими например писма Ричарда Остера и «Лидском Меркурии» («О всеобщем счастье в Норвиче»). Громкий гром рабочего движения и его использование со стороны дворянства привели к фабричному законодательству. Наиболее прозорливые из торн (ср. Дилл) видели в этом законодательстве самое действительное средство отдаления рабочих от чартизма, который выдвинул уже «партию физической силы» готовил восстание в рядом с государственным парламентом собищих депутатов.

Порожение чартизма означало крутой переход во всея движении; это было начало тибелд, на целом историческому эпоху, германского и французского революционного движения, английского пролетариата; идеи «физической силы», интернационального братства, завоевания власти, социального равенства устанавли свое место идеям реформистского тред-юнизма и кооперации. На мировом рынке складывалась исключительная монополия расцветающей «младшей морской» — великой колониальной империи британского капитала. Господство буржуазии не имело усердных поддочек рабочим; борьба буржуазии с дворянством, но компромисс с ним, уважительность, уважение к священным традициям, корона короля, шифф кораблей и парадная гондоль, господь бог в голове. Эта система сохраняла долгие годы свою устойчивость, пока развитие мирового хозяйства не опрокинуло английскую супрематию и не выдвинуло могущественнейшие тенденции совсем другого порядка.

Вот в такую эпоху выступил со своими работами величайший из сыновей — Чарльз Дарвин. Он primo вырос из рожденных сия прогрессивного сельского хозяйства Англии, с его садоводами, скотоводами, рациональными хозяевами, опытными полями, прикладной химией, многолетней практикой, прочным эмпиризмом, осторожностью, расчетливостью, тщательностью акцентированной проверкой фактов. Колониальные научные экспедиции, ориентированные шупальцы английского капиталистического мироустройства, его познательные со- суды, расширяющийся горизонт, доставали до- бавочный разносторонний материал, а через вою искусственных удобрений и новые виды животных и растительных пород приоб- луживали процесс материального производства.

Таким образом развитие английской промышленности, колониальная экспансия и прежде всего прочный подъем английского рационального сельского хозяйства были базой, на которой выросли теоретические концепции Дарвина. Недаром у него фигурирует так часто «искусный заводчик», слово ненавистной Дюрини. Дарвин рос из многообразной — живой практики, в этом было его преимущество — анализ — типично обобщенно тонкобор об организации животного, как о пластическом материале, которому они могут придать какую угодно форму. Обобщение и обилие неслий ности и в нем неслие ости. И в это время росли следственно из теоретического обобщения реальной практики «заводчиков» (другой практики здесь, как известно, не было).

Сначала много исследований, — сообщает Дарвин, — мне казалось, что тщательное изучение домашних животных и растений, разовалим человеком, всею скорее может повести к разрешению этого теневого вопроса. И я не ошибся. Я осмеливался выдвигать мое убеждение в высокой важности исследований по этому предмету, хотя ими, по большей части, пренебрегают естественные ученые. Дарвин не устает ссылаться на это, сославшись на чартизм на сотнях страниц «искусных заводчиков». Ибоут, «если бы не лучший знаток сельскохозяйственной литературы и хороший знаток животных», — сообщает он в Дарвине: «Фено (начало искусственного подбор — Н. Б.) сельскому хозяйству дает возможность не только видоизменить характер своего стада, но и вполне изменить его. Это — английский жезл, с помощью которого он может вызвать и жизни искусую форму, какую захочет».

Далее идет лорд Сомервилл, «искусный заводчик срд Дикон Себрайг и т. д. При этом Дарвин тут же отвечает, сославшись на Дарвина: «Фено (начало искусственного подбор — Н. Б.) сельскому хозяйству дает возможность не только видоизменить характер своего стада, но и вполне изменить его. Это — английский жезл, с помощью которого он может вызвать и жизни искусую форму, какую захочет».

Далее идет лорд Сомервилл, «искусный заводчик срд Дикон Себрайг и т. д. При этом Дарвин тут же отвечает, сославшись на Дарвина: «Фено (начало искусственного подбор — Н. Б.) сельскому хозяйству дает возможность не только видоизменить характер своего стада, но и вполне изменить его. Это — английский жезл, с помощью которого он может вызвать и жизни искусую форму, какую захочет».

«Пол Малтус, как вычисляет его Маркс, кроме своей формулы «искусного подбор» был профессором политической экономии в шиделе колониальной грабежа — в коллегии знаменитой Стендильской комиссии. Он изобрел и выдвинул самую резкую и опасную английскую контрреволюцию, активизирующую

ДВА ПРИНЦИПА — ДВА ИСХОДА

Рис. В. Медведева

— Социалистическое соревнование и конкуренция превращают для соревнованно разланных принципа. Принцип конкуренции: поражение и смерть одних, поб-да и господство други. Принцип социалистического со-снования — товарищеская помощь отстающим, о спорных выводов, с т. м. чтобы добиться общего под-ема. Конкуренция говорит: добрый отстающий, чтобы уловодить свое госло ство. Соц. алстическ в соревнование г воит: од-я работат ло-о, другие хорошо, третьи лучше, дсгоня луч-ших и до-бьса общего под-ема. Этим собственно и объясняется «от-ройма-стающийся инту» аза, — отбойный ох-даты миль-онные массы трудящихся в результате социалистического сорев-нования.

(И СТАЛИН)

Под водительством ленинской партии летит вперед мощный паровоз социалистического соревнования
И под откос мчится механизированный возок капиталистической конкуренции

тесную приспособленность, есть являющийся шаг на выживание. При массовости процесса мы получаем закон: выживают наиболее приспособленные. Борьба губит слабых, подживает сильных. Борьба выпалывает непригодных, как сорняки вымываются из грядки непополненные экземпляры растений. Борьба селекционно отбирает по признакам, объективно полезным организму отклонения; «естественный подбор» подхватывает эти отклонения, перерабатывает по наследству, закрепляет и усиливает их. Так на основе индивидуальных отклонений, причина которых разная, образы и многозначны, т. е. случайны в объективном смысле слова, получается закономерность и направленность изменений, закон определенности, естественного отбора. Это и есть основной закон развития органического мира, открытый Дарвином.

Таким образом, процесс в целом складывается по Дарвину: 1) из изменчивости, 2) из наследственности, 3) из естественного отбора. Эти три фактора Дарвин механически синтезирует, при чем примат принадлежит у него естественному отбору как формирующему принципу, определяющему процесс эволюции вида, азы и его цели. Из этого адекватно вытекает, что Дарвин не делал никаких попыток анализировать причины отклонений, выявляющих так сказать сырой материал для процесса отбора, и не ставил перед собой вопроса о законах наследственности, которые — метафизически говоря — используются его механизмом.

На вопрос о наследственной изменчивости Дарвин, не зная здесь строго выдержанной научной концепции, отвечает очень просто: по его мнению, приобретенные признаки по правилу все наследуются. Здесь он, как показало дальнейшее развитие науки, явно ошибался.

На вопрос о причинах изменений он отвечает следующим образом: изменчивость подпадает множеству неизвестных нам законов, из которых особенно важен закон соотношений развития. Некоторую долю изменчивости следует приписать прямому действию жизненных условий, некоторую — употреблению и неупотреблению органов. Окончательный результат, таким образом, становится бесконечно сложным. Здесь Дарвин, зная, что такое метаморфозы, посылает работы своих предшественников: Кьюэе (соотносительная — *correlated*) — изменчивость Дарвина соответствует *correlation of development* Кьюэе и Джемса (правильно — изменение среды, управление или неуправление органов как причины изменений).

Особенно, но в связи с теорией наследственности, стоит у Дарвина как вызвавшая кардинальную гипотезу, учение о «клеточности» которое сам Дарвин считал впоследствии «эволюризм» и которое несущественно с точки зрения его концепции в целом.

Так, для дарвинизма как определенной биологической теории специфическим, существенным, резко выделяющим эту теорию на всех других теориях эволюции моментом является учение о естественном отборе: именно в этом учении, не в каком-либо другом, заключается «суть» дарвинизма. Но Дарвин проводил и дальнейшую работу: он включил в цепь органической эволюции и человека как биологический вид. Он рассмотрел и этот вид творчески, естественно-дарвинизм как объективный и закономерный исторический результат органической эволюции. В своей работе «Происхождение человека и подбор по отношению к нему» Дарвин, по-прежнему смело по тогдашним временам заявляет:

«Тот, кто не смотрит, подобно дикарю, на явления природы, как на нечто бессмысленное, не может иметь, тем самым, был плодом отдаленного акта творения. Он должен попытаться узнать, что великое сходство между человеческим зародком и зародком например обезьяны; тождество плоти в строении черепа, конечностей и всего тела, независимость от использования, которое могут иметь эти части, у человека и других млекопитающих; случайные возвраты различных образований, например особенных костей, которые образуются у обезьян, но не у человека, но которые свойственны обезьянкам, и множество других аналогичных фактов... что это ведет весьма положительным образом к заключению, что человек и млекопитающие происходят от одного общего предка».

Необходимо помнить, что именно на этот вопрос было наложено священное табу всеми богословами, учеными, философами и так называемыми объективными историками. Именно здесь обретается тот *pointum saliens*, перед которым в величайшем смятении остановился даже ин-

Слепок молодого шимпанзе — человекоподобная обезьяна

товский «Истинный разум». Необходимо помнить, что как раз больше этого тезиса была тем ужасам преследования, который давал на развитие биологии как науки и превращал ее в своеобразный привесок догматического богословия и теологизирующей фантастической натурфилософии. Дарвин проломил здесь огромную брешь и сразу продвинул науку на неизмеримо более высокую ступень ее развития: именно Дарвин доказал факт и обоснял механизм органической эволюции, обоснял исторический факт разноморфности видов, их трансформацию, являющую таковой называемой целесообразности в органическом мире — проблеме, которая являлась камнем претерновения для научного мышления и эволюционной физики для «старателей» из лагеря теологии и метафизики, — включил в эволюционный исторический ряд и носителя «божественной искры», человека.

Разумеется, нельзя требовать от Дарвина того, чтобы все без исключения его теоремы оправдались в ходе дальнейшего развития науки: многих из теперь известных фактов и обобщений он просто не мог знать, как не мог например знать теории империализма или искусства управления автомобилями системы «Форда». Его научное величие отнюдь не пострадало от того, что частные элементы его теории (например, наследование приобретенных признаков и т. д.) оказались превзойденными и отброшенными дальнейшим прогрессом биологии: существенно как раз то обстоятельство, что сепарация его теории — учение о естественном отборе — выдержала в боях с антидарвинизмом суровую историческую проверку.

Эта проверка касается прежде всего двух основных пунктов: 1) вопроса об изменчивости,

ее характере и ее отношении к селекционному принципу; 2) вопроса о значении отбора в общем процессе эволюции. Современная генетика, наука, порожденная в значительной мере самим развитием дарвинизма, ставит своей специальной и специфической задачей раскрытие законов наследственности и изменчивости. За весь последарвиновский период накопилось огромное количество новых фактов, тысяч экспериментов, новых фактов. Дарвин констатировал многозначность и многозначность факторов, обуславливающих изменчивость и пестроту самой этой изменчивости как в приспособительном характере этой изменчивости (полезные, вредные, нейтральные варианты) так и в ее степени (не заметны отклонения и крупные скачки), вроде упомянутых Дарвином «sporting plants», окрещенных де-факто «мутациями».

Современная генетика подтверждает этот взгляд Дарвина. Опыт показал, что: 1) на организмы действуют самые разнообразные факторы, вызывающие те или иные мутации (воздействия рентгена, радия, ультрафиолетовыми лучами, температурой и т. д.); 2) одинаковые факторы могут вызывать в принадлежащих к одному виду организмам различные мутации (например разные мутации у *Drosophila* под влиянием одинаковых доз рентгеновских лучей); 3) разные факторы могут вызывать одинаковые мутации; 4) мутации не только кажутся, но и количественно носят самый разный «образовательный» характер; 5) пестрота мутаций далеко имеет изменчивые границы, в пределах которых и колеблется соответствующее наследственные изменения: об этом, повидимому, между прочим и говорит так называемый закон «гомологичных рядов» Н. Вавилова, являющийся пока «эмпирическим законом»

(родственные систематические единицы дают сходные ряды мутаций).

Газуэту дела не в одних только мутациях в определении де-Фриза, ибо они не являются монополиями поставщиком материала для механизма отбора. Нельзя повидному нагнать отпрыск и случаи прямого действия среды, и постольку некоторые аспекты дарвинизма не просто должны быть отвергнуты, а лишь, выра-

ческого характера, и соответствующие изменения могут быть — как мы упоминали — либо полезны, либо нейтральны, либо вредны. Другими словами, «совершенствование», возрастающая приспособленность, в эволюции обуславливаются не изменчивостью, взятой «за себя», а отбором на основе изменчивости. Бесконечное количество опытов показало, что изменения действительно не имеют односторонней на-

стпнуты в области изучения законов и в адекватности с ними (например, законы образования новых комбинаций на основе работ Менделя — Морган) что касается закономерности изменений в эволюции, то здесь выдвинуто лишь очень приблизительные эмпирические закономерности. Однако, каковы бы ни оказались законы изменений, это не разрушило бы концепции Дарвина с точки зрения теории эволюции, где закономерности изменчивости и наследственности соподчинены основной закономерности естественного отбора. Яркую общую характеристику дарвинизма дал Фридрих Энгельс еще в 1859 г. в своем письме к Марксу: «До сих пор, — писал Энгельс, — еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие природы, да еще с таким успехом». Эта характеристика была целиком оправдана всем развитием общей биологии, ее частных дисциплин, прогрессом смежных отраслей знания и исключительную роль дарвинизма как несокрушимого остова науки в ее борьбе с виталистической мистикой.

III

Дарвинизм и марксизм

В речи над гробом Маркса (17 марта 1883 г.) Энгельс говорил:

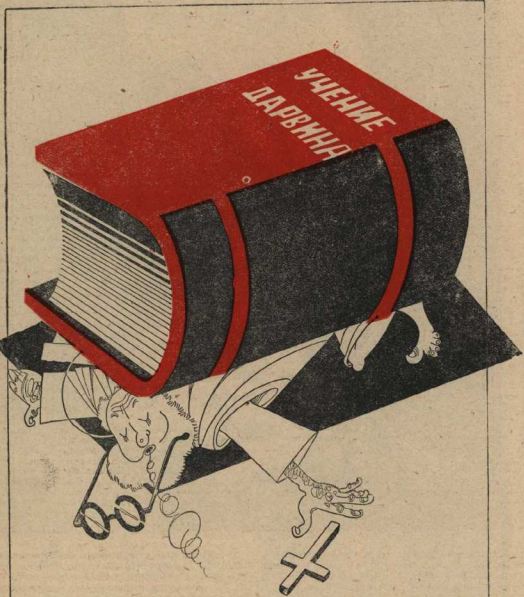
«Как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, до того для смелый ход, идеологически неоправданный факт, что люди должны в первую очередь есть, пить, где-нибудь жить и одеваться, прежде чем они смогут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и вместе с тем всякая экономическая ступень развития народа или какого-либо отряда времени образует основу, на которой развиваются государственные учреждения, правовые позарели, представления в области искусства и даже религии соответствующих людей, и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это случалось до этого времени».

Эта мысль Энгельса о соотношении между дарвинизмом и марксизмом, о соотношении между органическим миром исторической эволюции и исторической эволюцией человеческого общества, между исторической трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур, можно было бы хорошо иллюстрировать, взяв за основу, например, заключительную страницу «Происхождения видов» и вводной страницы «К критике политической экономии». Подобно тому, как Дарвин искал формулирует материалистическую основу изменчивости видов, формулирует селективную теорию, Маркс дает классическое четкое выражение теории исторического материализма.

Внутреннее родство теоретических построений вытекает здесь из внутреннего родства объектов исследования: ибо само человеческое общество есть зано в цели исторической эволюции. Оно есть подполюжение органической эволюции, но продолжение ее качества в и в особом, специфическом — историческом — отношении к обществу. И именно поэтому, несмотря на общую основу, свои исторические закономерности, свой особый, свойственный только обществу, тип развития. Истериальное единство мина (или единство, материального мина) не состоит из голой тождественности его элементов: оно в то же время состоит из их различия, их объективной качественной определенности, своей исторической определенности, органического и социального моментов преломляет их различия.

Главный недостаток механистического материализма, недостаток, питающий односторонность и фальшь всего ивзвешивающего поступлений, заключается в том, что механистический материализм, вводя универсальную, количественную объективность, клянет единую действительность, был абстрактен, анти-историчен, ссы и не мог платую творить богатое многообразие природы и общества и прокустово ложе своих исключительных количественных законов. Развитие органической эволюции и социальной истории отнюдь не есть их тождественность. Поэтому, вводя количественные законы биологии на явления общественной жизни, тот так же, как например нелепо было бы перенести, скажем, закон кратных от-

Рис. В. Бриксина

Учение Чарльза Дарвина нанесло сокрушительный удар религии

желез гегелевским языком, «синтез». Но уже одной теорией мутаций» опрокидывается дарвинистская концепция прямого пути сособления, которая вытесняет объяснение эволюционной истории среды обязательно вызывают необходимую целесообразную реакцию, передающуюся — точно так же в обязательном порядке — по наследству. С другой стороны, и другие попытки построить эволюционную теорию, выключая механизм отбора, оказались не в состоянии материалистически объяснить процесс трансформации органического мира: все они неизбежно скатываются к телеологической концепции, роковым образом вводящей в той или иной форме старинную мистикку аристотелевской «энтелихи». Крупные открытия генетики (учение о комбинационной изменчивости на основе законов Менделя, учение о чистых линиях Йоганнеса, обобщение американской школы во главе с Морганом) ни в какой мере не затрагивают основ дарвинизма и могут быть рассматриваемы как дальнейшее развитие дарвинизма.

Таким образом, подлинное развитие науки подтверждает основные положения дарвинизма. По Дарвину изменчивость не имеет строго направленного (так называемого кортегент-

правленности и их законы являются неизмеримо более сложными, хотя диапазон возможных вариаций и имеет известные границы. Развитие генетики показало также громадное значение в адекватных комбинаций (менделевские соотношения).

У Дарвина этот фактор как материал для механизма отбора почти отсутствовал, но совершенно очевидно, что он может быть включен в концепцию Дарвина без всякого для нас вреда, ибо здесь ни в малой степени не затрагивается роль и решающее значение механизма отбора. Дарвинизм и автотенетика и нападает именно на этот пункт и терпит здесь наиболее жестокое поражение. Отбор есть реальный фактор, объективный закон развития органической жизни, а отнюдь не чисто логическая конструкция. Отбор, с другой стороны, отнюдь не есть чисто негативный фактор, ибо как раз он и оказывается решающим для направления эволюции. Именно здесь лежит основная закономерность развития.

Но из этого не следует, что не нужно искать и специфических закономерностей изменчивости и наследственности, на базе которых действует механизм отбора со своей решающей закономерностью. Здесь еще — огромнейшее поле работы. Значительные успехи до-

органического материализма. Но Маркс этим не ограничился: он создал, с одной стороны, на базе развития классической немецкой философии, а с другой — в сотрудничестве с диалектическим материализмом, этот гениальнейший синтез синтезов; с другой — он вскрыл частные законы движения определенной общественной формы, «как способ производства», где с невиданной в истории идей прозрачностью предсказал неизбежное превращение капитализма в социализм через социалистическую революцию, которую пролетариат. То обстоятельство, что марксизм есть грандиознейшее и самое величественное построение, какое только знала мировая история; то обстоятельство, что данная теория является не частной и общей концепцией марксистского материализма, делает необходимым включение этой теории в общее мировоззрение пролетариата. Но эти два действия не означают «спиритизма» дарвинизма в его «химическом чистом виде».

Выше мы видели, что дарвинизм несет на себе родимые пятна своего социального генезиса. Его творческие привнески есть механически прилепленные побрякушки, страха ради иудейска помещенные на страницах дарвиновых работ: все дух теории и даже все ее будущее воплотит против этого наследственного беспамятного приложения. Иначе обстоит дело с толкованием эволюции как только непрерывного процесса, «Природа не делает скачков». Это Дарвину указывала еще Гексли, который, прочтя впервые «Происхождение видов», писал автору: «Что касается вашей доктрины, то которую вы относят на кости для поддержания глав IX и большей части глав X, XI и XIII... И далее, перечисляя свои критические замечания, он прибавляет: «Во-первых, Вы создали себе новую кручину, принимая так, без оговорок «природа не делает скачков»».

Здесь у Дарвина налицо либерально-буржуазная трактовка эволюции, которая является истоком многих вульгарных пословиц социалистических построений. Эту сторону дарвинизма необходимо подвергнуть остракизму. Таким образом в своем основном и обоснованном от скверны виде дарвинизм является в наше мировоззрение, что налагает на нас обязанность дальнейшей разработки проблем биологии при сознательном (а не стихийном) применении метода диалектического материализма.

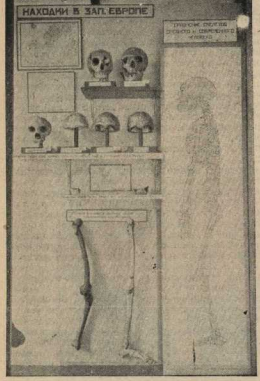
IV. Дарвинизм, марксизм, современность

Дарвинизм вырос на практике. Но, выросши на практике в мощное теоретическое построение, он сделался рычагом дальнейшего практического действия. Его значение во всем потоке общественного развития нашей жизни равносильно по двум главным руслам: мировоззренческому и, идеологическому, непосредственно связанному с практической теоретической классовой борьбой, и с производством и с техническим, непосредственно связанному с борьбой экономических общественных укладов, внешних результатов своих классовых носителей. Через свое значение в развитии биологии в корне изменилась вся историческая картина: другие сочетания экономических формаций, другое соотношение классовых сил, иные условия жизни развились. Биология в значительной мере перестала быть носителем технического прогресса и азиатского «сму» рационализации. Она вышла из «темной» области, в какой мере не велет борьба с идеологическим средневекоем; наоборот, она, как и наука, против авторитета протестарата, сама развиваясь, вела за собой конкретные технологические и теологические тенденции. С другой стороны впервые в истории пролетариат как господствующий класс, класс-диктатор, имеет свой собственный идеологический социализм. Поэтому, если ранее дарвинизм, включенный в общую цепь марксистского мировоззрения, играл роль тарана против теогонии, то теперь, ставшим образом теогонии, он имеет для рабочего класса практическое значение и по линии производства.

В начале от XIX века исследователи подхватили ныне к проблеме происхождения организмов прежде всего как экспериментатор, как и ниже всего. Мы ставим перед собой задачу конкретнее рассмотреть эту утилитарную задачу: овладеть этапами формирования, строительным материалом для того, чтобы на основе его развернуть творческий процесс, ведущий к созданию видов и форм по произволу».

Отрпные задачи социалистического строительства при соответствующих материальных предпосылках дают всей научной работе невиданную базу и невиданные возможности.

В области теоретической буржуазия переживает кризис исключительной остроты. Идет атака на самое основание рационального познания; гонимся принципа причинности, объявляется упрямленным детерминизм, устарел—идея об активной закономерности вообще. Все это развивается—через идеологические формы идеализма—туда к мистике, магии, «эфирникам», «астральным телам», таинственным «эманажам духа». Блестящие успехи физики (радиоактивность), квантовая теория и т. д. наталкуются на ограниченные методы познания и стремятся как бы замереть, передвигая мысль в область метафизики худшего сорта. Эддингтон прокламурует конец детерминизма и с ним обрывается представление единственной реальностью. Дирак впадает в прямую мистику.

находки костей древнеиспанского человека

Мир есть единство, многообразие и многообразие в единстве. Многообразие его раскрывается в специфических законах его различных качественных форм. Его единство — во вскрытии законов и в установлении типической диалектики, которые являются самыми общими законами бытия и становления, законами, которые неразрывно связаны со всем многообразием специфических связей и закономерностей.

Дарвинизм есть биологическая теория, имеющая огромное значение для всего мировоззрения. Первые его были вскрыты объективными законами развития органического мира. Впервые процесс развития этого мира был понят как естественно-исторический процесс. Впервые были вскрыты объективные основы целесообразности в природе, загадка, которая до сих пор иллюзорно «разрешалась» апелляциями к мудрости и пантеону теологов-аскетриков. Впервые человек как биологический вид сам был понят как продукт исторического развития. Но биологический вид — «человек», «homo sapiens», — сам исторически трансформируется в производящего человека в процессе общественной деятельности исторического развития вида трансформируется в закономерности историко-общественного развития. Качественно особым продолжением истории вида является история общества в развитии его конкретных экономических формаций.

Таким образом между дарвинизмом и марксизмом неизбежно возникает особая связь, двустороннюю связь объектов познания, их исторической преемственности и материалистической основой метода. Теория Дарвина более ныне менее непосредственно указывает на истинный образ с теоретическими построениями Маркса. «Значительные всего», — писал Энгельс в своей работе о Людвиге Фейербахе, — три следующие великие открытия, благодаря которым мы знаем общую связь явлений природы: сначала гигантские шаги. Первое — открытие клетчатки. Второе — открытие закона о превращении энергии. Третье — открытие закона сохранения энергии. Остаток есть обществу и исторический процесс его развития. «В этой области», — продолжает Энгельс, — предостало сделать то, что касается понимания внешней природы, — устранить искусственно созданную связь явлений и найти действительную. Эта задача в конце концов должна была быть решена в открытии всеобщего закона движения, господствующих в истории человеческого общества.

Эти «всеобщие законы» движения общества были открыты Марксом в его теории исто-

Экспозиция находок костей древнего человека в реставрированном его развитии

В области биологии спиритизм втапливает всех видов и оттенков, быстро перерастая в откровенную теологическую апологику. Известный дарвинист Людвиг Плате не гнушается «приватить» биологические законы к обществу в целях грубо-империалистической политики и воле и воли страны, объявляя религию «высшим добром» и обосновывая имитаризм тем, что «сила природы милитаристична». Векский историк Фейербах объявляет галлоциции «высшей реальностью», говорит о «духовном продолжении существования» человека за гробом. «С оциализма и с дарвинизма» — исходя из непереходных логических расовых типов, стремится придать ему характер вечного закона и обречь народы на перманентное пребывание в рабах, односторонне обрекая пролетариат на бесконечную эксплуатацию ad majorem gloriae «органической теории». «Арийская», «теutonская», «европеоcая» ривализуемость доходит до крайних границ и до своеобразной идеологической откровенности. Фашизм, так называемые «фундаменталисты» в Соединенных штатах и другие аналогичные течения идут в ногу с открытием Дарвином; с другой — с одной из других теоретикой современного обскурантизма.

Таким образом по отношению к дарвинизму, с одной стороны, мы имеем его полное отрицание. Дриш, стал и утверждение виталистической истины, объявляет его сплошной и всеобщим заблуждением; с другой — с одной из сторон дарвинизма «привагают» законы естественного подбора к обществу, биологизму социальные явления и объявляя биологически-устойчивыми преобладающие категории капиталистического общества. И в том и в другом случае перед нами — идеологическая реакция. Только марксистский синтез обеспечивает прогрессивную функциональную роль всякому творению Дарвина.

Не впаде обстоит дело с другим руслом практического водействия дарвинизма. Колоссальные технические успехи конца прошлого столетия и начала нынешнего же подлежат сомнению.

См Дарвин писал ऐसे:

«Из власти человека изменить существующие условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких элементов в почву; но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую; он может так им помочь, чтобы они не падали в своем естественном состоянии.»

Это — явная ограниченность, продиктованная ограниченностью современной Дарвинизма, ограниченностью производственных сил. С тех пор появились легионы новых пород, изменился весь лик земли, естественный ландшафт превратился в производственный, в стандарт качествами различной продукции, в систему специализированных хозяйственных районов и зон. Но и здесь общий кризис капитализма делает все дело. Он подготавливает сорные дараваеющего техника прогресса, он создает антитехническую идеологию, реакционную до мозга костей. В то же время в стране стремящегося социализма создаются основы громадного расцвета технической культуры. Здесь впервые практически можно ставить вопросы о рациональном размещении производственных сил, о равномерной специализации районов, о распределении животной и растительных пород, о гигантских мелиорациях, о селекционной практике в масштабах громадных пространственных зон, о научном использовании ряда факторов и их комбинаций с точки зрения оптимальных результатов. Генетика, селекция, зоо- и фитотехника, опытные поля, гигантские экспериментальные базы и т.д., немалые возможности практической реализации теоретических достижений — все это пролетариат поднимает на шит. Дарвинизм становится таким образом зоо- и фитоники и етер и в о б с т в и а в и м а с т а б е. Будучи вклучен в марксистское мировоззрение, он функционирует одновременно как поживатель телеологии и телеологич, как творец виталистичекого мировоззрения современной буржуазии, как самострел против «социального дарвинизма», так и в качестве научной производительной силы, непосредственно связанной с материальным производственным процессом, преобразующим сельское хозяйство в научно поставленную отрасль социалистической промышленности.

Вокруг проблем дарвинизма идет ожесточенная борьба течений, которая есть выражение и великих социальных конфликтов нашей эпохи. Сумерки богов капиталистической религии все спугиваются и из мрачных облаков уже начинается сочиться зловещая кровавая роса. В поумрачке этой эпохи, озаренной молниями революционной капиталистической мысли, виднеются силуэты новых героев, которым уже не по плечу доспехи и латы рационального познания, технического прогресса, социального оптимизма. Умные вопросы настоящей техники ведут к разужбегу будущего, они атакуют сейчас и дарвинизм, заменяя его мистическими концепциями, от витализма до оккультных включительно. Они же не смущаются, грозно вымрут теорию отбора Дарвина, «применяя» ее к социально-историческим проблемам дара и строя самые беспстыльные, самые постыдные концепции зоосоциального витализма, включая и угнетение народов, оправдания и возвеличения наиболее грязных и кровавых сторон современного империализма. В бою — материальных и идеальных — с капитализмом, грозными победой всей культуры, варварством и одиночеством на долгие годы, пролетариат берет то оружие, которое осталось ему в наследство от буржуазии. Он откладывает его от ракетницы и мойвающему его, как составную часть своих вооруженных сил. Против толпы, мистиков, клкнущую — за рациональное познание; против идеологов — за материалистическую диалектику, против виталистов — за опциенный дарвинизм; против проповедников кирки и лопаты — за технический прогресс; против капитализма — за революцию, за строительство социализма, за коммунизм. Так ставит сейчас вопрос пролетариат. Знания прогресса выпало сейчас из рук дарвинистов-искусных скотоводов и заводчиков. Оно — в руках миладианых армий пролетариата.

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

На фабрику я пришел на деревня.

На фабрике сначала чудилось, было с мого стороны много удивленных взглядов. Потом на ряде случаев я увидел огромный кринок спавший кельдыт. Я пригляделся и конюшнику, ветнику в конюшне. Видел, что ревелт после работы скрутив досади профессора, ревелт, всякий хороший почва. Часто и много бесновала со старыми работами, тузоватая настоящую творческую жизнь.

Вне явные мыслели бригад в деревне и понав проведать определявший старый кулацкий уклад деревни на свой, социалистический лад.

И настало и настало. Стало писать стихи. В пролетарское литературное движение попал я еще до прихода ударников в литературу.

Когда я писал впервые стихи первой своей книги «Так мы живем», я вложил некое на крупных современных поэтов не читал. Потом поправился Маяковский. Давало его, учусь у него и бузу учусь. Разговорились ведь и высокоэмоциональная наварженность, вот что мне сродня у Маяковского. И чаще есть и больше — только социалистическое о поэтовчине, нравлено и чуждым которые я тогда не мог, неистовство окрыло мировоззрение.

Сейчас пишу выводу из комсомольской жизни (большое начитан в этот творчество) — помимо всего выходящая дуть человека, который не устаетшая в гражданской работе, но это — настоящий болельщик, революционный социалистический строительство, классовой борьбы. Этот человек — человек — приходит сказать, страдая, расстраивая себя.

Неслабо закончившаяся Богочестное совещание, делалитию творчество в быду — это являет, демонстрируя настоящий производственный творческий поход. Это демонстрирует, как выросли и окрепли кадры пролетарских писателей.

А. Решетов

ИЗ КОМСОМОЛЬСКОЙ ПОЭМЫ

И. ХЕЛЕНКОМУ

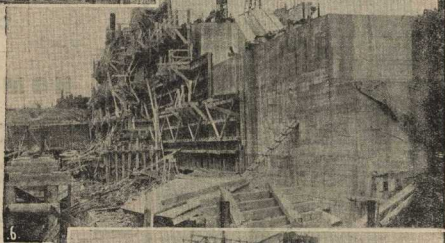
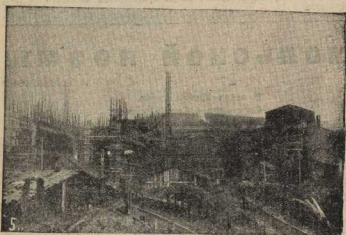
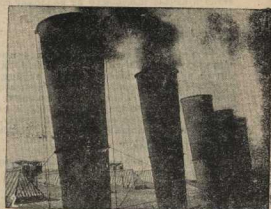
Ненавидеть и любить без меры
 Научились только мы одни,
 Мы,
 Чей день, на вид обычно серый,
 Входит в исключительные дни.
 Пусть мне скажут:
 «Гордость,
 Гордость, Саша!» —
 Отвечая:
 — Мы навеи горды
 Тем,
 Что с бездорожья юность наша
 Шла в красноватые ряды.
 Дорогой мой друг,
 Я нынче светел —
 С каждым днем
 Пути встают видней.

И летел Макио, суров,
 Со степного Гудий-Поля
 До парижских клубов.
 Строй наемников в даре,
 Лысым зверь Пуанкаре.
 В далью окопайте, оорды,
 Лица жалости своей,
 Бронированные морды
 Поднимаеи аз морей,
 Знаете зубы любви
 На возстающую страну,
 Мы на вас, дельцы Европы,
 Морем вступил особой
 Далинем смертвую волю..

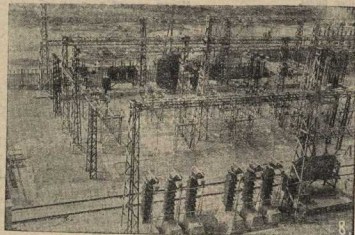
Что ты скажешь в дружелюбной беседе
 Новым фабричкам обо мне?
 Я пешком хожу
 Под стол в те годы,
 Когда всей страной
 И кипрвал
 И вкось
 Даже звезды шли в дыму похода —
 Партизанит мне не довелось..
 Я не ед наек походный,
 Я не спал в теплушке тесной,
 Но нередко, друг любезный,
 Пел свином лесной визок.
 Под полом избы холадной
 Засыпла и неохотно,
 Засыпла, если угодно,
 Не мечтаю про наек.
 А сегодня на собраньи
 Старичок из комсомола
 Не скажет мне
 Точно, как:
 То ль на льду речного вола
 Илия в пятисом шибетаны
 Изучечен был Колач.
 Только зная:
 Была воля —
 Вся со дня до облаков —
 Шла в штыли
 и брала в колья..

А пока триумф общаая
 Адмиралу.
 — Выше гроту! —
 Коммерсанты ларят веша
 И выводит из золевие
 Эскарпилью в дальний путь.
 Мистер Пудь,
 Вам славы надо?
 Слава в слове —
 Мало ль слою!
 Слава мистери, ребята,
 Он веруша от Кроингда
 Без штестидлаци зубов..
 Вот как надо бои вестя,
 Революцию беречь.
 На высокой гордотти
 Завершуа речью..
 Эв, ровесники,
 Не месия светел —
 С каждым днем
 Пути встают видней.
 Дети революции —
 Мы встретим
 В час любви
 Боевой готовностью своей.
 Ненавидеть и любить без меры
 Научились только мы одни,
 Мы,
 Чей день, на вид обычно серый,
 Входит в исключительные дни.

БУДЕМ БЕТОННЫЕ ТОЛЩИ КЛАСТЬ ВЫГНАТЬ ИЗ ИЗБ ЛУЧИННОЕ ТЛЕНИЕ

Волгоград — целым советское оборудование.

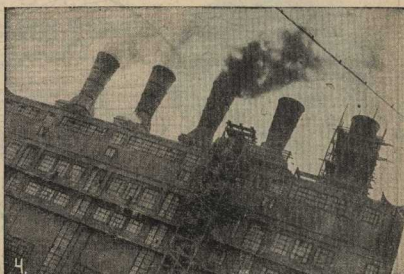
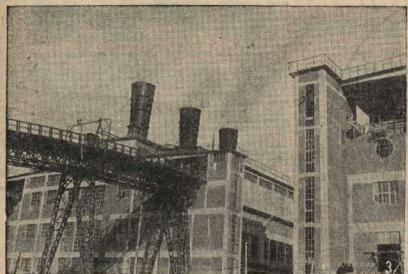
План ГОЭЛРО, план электрификации — план Ленина. Страна под руководством большевистской партии перевыполнила его. На исплинской карте Союза ярко разгораются огни ГРЭС. Их много, имена разнообразны. Так: Волхов, 1-я мощная советская электростанция, на берегу реки Нашира, далеко на севере в Карелии, среди лесов, на канаве, соединяющей систему реки Сандил с Онежским, — Кандолога. Свирьстрой, Днепрострой: В Средней Азии, вблизи Ташкента, на реке Боссу — Кадырья. Днепрострой Армении — Дзержинский ГЭС. И еще десятки. Сейчас уже утвержден генераль-

ный план электрификации страны. Во второй пятилетке нужно достигнуть мощности, равной по программе десяти планам ГОЭЛРО. Пустить 250 районных электростанций. Протяженность высоковольтной сети достигнет свыше 10.000 километров. Разбросаны по стране мощные подстанции (рис. 8). Магистраль электрических колец свяжут Ленинград и Донбасс, Новосибирск и Свердловск.

В лесах корпуса и плотины электростанций (рис 5). Суровой уральской зимой ударники-строители Магнитогорской ЦЭС побеждали холод. Эта станция — круп-

КОМУНИЗМ—ЭТО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ (ЛЕНИН)

(Из стх. Кирсанова).

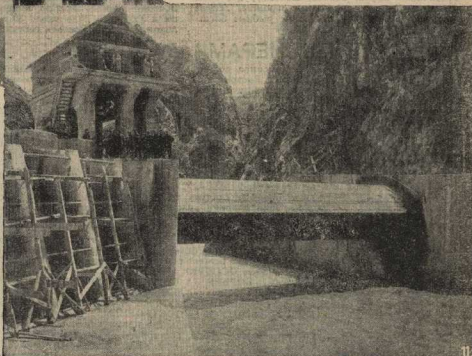
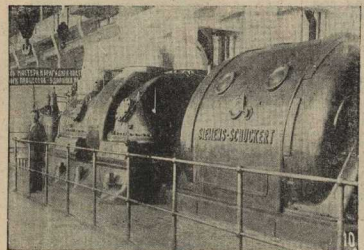

**Драться за
сто милли-
ардов кватч
электро-
энергии и
концу вто-
рой пяти-
летию**

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Этот план носил имя ГОЭЛРО, и Ленин называл его началом второй программы партии. План утвердил X всероссийский съезд советов в конце 1921 года, и в этот год, отмеченный повальским голодом, крошадтскими восстанием и началом непа, цифры плана назвались Головокружительным началом в будущее. За 10—15 лет низко было построить 30 районных станций общей мощностью в 1½ млн. киловатт. Нужно было запрудить течение реч, поднять целину торфяных болот, чтобы и лопатки турбин бросить силу воды и пара

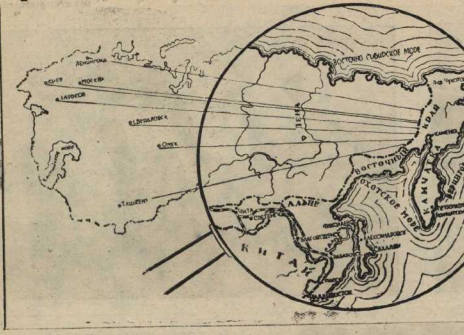

нейшая в СССР из работающих на твердом топливе (рис. 1). Строили ее без тепляков в рекордный срок. Она даст ток заводу, рудникам, соцгороду Магнитогорска. Высоко поднимает свои трубы Шатурская ГЭС (рис. 2, 3). Она работает на фрезерном торфе. Выросла станция на Кизепоовских рудниках Урала (рис. 4). Первый ток городу Ленина Свирьстрой даст в декабре 1932 года. Общая мощность Свирьской гидростанции достигает 565 квтч. в год. На снимке: большой водораздельный бык на плотине (рис. 6). На реке Рион (Западная Грузия) выстроена электростанция Рион-

ГЭС мощностью в 30 тысяч лошадиных сил. Мощность этой станции (рис. 7) будет доведена до 60 тысяч лошадиных сил. Освобождается от шелухи опалубок производство первой очереди — Кузнецкая ЦЭС (рис. 9). Новый генератор установлен на АртемГРЭС в Шахтах (рис. 10). Через бурную горную речку пролегают плотины ДзораГЭС (рис. 11). Скоро они дадут ток многообразной промышленности Закавказья...

Таковы отдельные участки великой географии электрификации страны. Сбываются мечты Ленина, СССР становится страной Днепростров, страной электрической.

Крепите Тихоокеанский фронт социализма

НА КОМСОМОЛЬСКИЙ БУНСИР

Какой-то поселенец времен царизма, вострый авантюрист империалистической России на Тихом океане, фактически колония — такое вродное это замечательное край.

Царям был способен заглянуть поля Амурской долины, но он не был способен рассмотреть богатства, и развивать индустрию в этом крае несметных богатств. Даже уголь и лес ввозились из центральной России.

Только советская власть начала историю освоения этого замечательного края. Но в освоении этого края нужно еще сделать много. Разведано пока всего только 5-6 пром. площадей. И уже тут видны уголь, богатейшие источники нефти, золота, желтой руды, слез, жемчуг. Лежат не тронутыми огромные залежи массовых. В морях — несметные рыбные богатства.

ДВК должен стать мощным передовым индустриально-аграрным участком СССР, форпостом социализма на Тихом океане.

Обеспечит Дальний Восток кадрами, развернуть массовую работу по привлечению молодежи в Дальний Восток, мобилизовать лучших ударников на стройках Дальнего Востока, послать туда лучших ударников эволюции на народнохозяйственные промышленные предприятия Тихоокеанского побережья, — вот общественные задачи, которые ложатся на плечи комсомолов.

Мы должны создать по образцу свиной контроль Урало-Кузбасса свиной контроль на Дальнем Востоке.

Особое внимание, особую заботу Дальнему Востоку должны оказать комсомольцы столицы и Украины. Ведь около 30 процентов населения Дальнего Востока составляют украинцы!

Недра края богат разнообразными. Недра ждут разведки, ждут разрабатки.

В одном строящемся районе найдене испытываются миллионами тонн угля. И там же район — 23 на 46. Помогая краю.

Уже сейчас по пути ДВК превышен восточные границы 1918 г. в 17-18 раз.

Помогая приростом населения, восток строительно выявил шток Дальнего составляет 5.400 тыс. тонн. В этом году они дадут почти 800 тыс. тонн угля. В конце года добывающая индустрия получит от Артезовской ГРЭС мощностью в 24 тыс. киловатт. Эти источники не являются единственными источниками сырья.

«Нейтральная зона» реки Ура, Коледина, Амур, Туги в начале декабря не дадут 10 тысяч киловатт. В первую пятилетку мощность электростанций должна увеличиться до 800 тыс. киловатт. Только на это потребуются материалы, чтобы обеспечить дальнейший гигантский рост края.

И здесь, как и во всех остальных районах индустриального Дальнего востока, есть громадные резервы развития угля и в частности каменного.

Запасы леса на Дальнем Востоке неограниченные. Край имеет 60 пород деревьев промышленного назначения. Среди них — кедр, липа, дубовый, ольха.

По своим огромным запасам полевой лесов превышает миллион квадратных километров.

Теперь это называют «золотой фонд» страны. На Дальнем Востоке пока используются только небольшие участки этого фонда. Мы создаем крупный и эффективный лес промышленности вместе с водой. Уже лет заводов для разведки, для земледельческой промышленности.

Выгодами этого года дадут возможность в развитии индустрии. Индустриальный освоение домов, быт, достижению и механизация руды, шахты, рудоуплощения силла. Восточная индустрия. Ускорению освоения Дальнего Востока. Начата работа по строительству Плавильного завода Амурской железной дороги мощностью в 11 млн. рублей. В комбинате входят в в Бразильский завод цинка, фабрика цинка и концентратов цинка беззвучного угля. На остров пойдет только индустриальные предприятия.

БУДЬТЕ ПИОНЕРАМИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Г. Межлаук

Комсомолю должен оказать самую активную помощь в развитии Дальнего Востока во второй пятилетке. Четыре основных задания стоят перед комсомолом.

ПЕРВАЯ ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА — изучить край, провести его геологическое и топографическое исследование. КОМСОМ ОЛ ДОЛЖЕН ЯВИТЬСЯ ПИОНЕРОМ В РАЗВИТИИ КРАЯ. Мы здесь имеем тысячи мест, куда до сих пор не ступала нога человека. НАДО ИЗУЧИТЬ НЕДРА, ИССЛЕДОВАТЬ ПОЧВЫ, ОПРЕДЕЛИТЬ РЕЛЬЕФ КРАЯ. В этом направлении первое слово и дело — комсомольцам-туристам, краеведов самого ДВК.

ВТОРАЯ ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА — это обеспечение прочного переселения, БОРЬБА С ТЕКУЧЕСТЬЮ в КРАЕ. Комсомол должен обеспечивать Дальнему Востоку крепкие, надежные кадры, должен обеспечить своим практическим участием лучшие бытовые условия в крае, в частности по линии развития орошения и плотиновости.

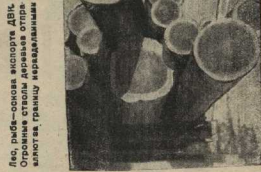
РАЗВИТИЕ ПИОНЕРСКИХ ПУТЕЙ, особенно водных путей, должно явиться ТРЕТЬЕЙ ЗАДАЧЕЙ, в выполнении которой комсомол должен принять самое активное участие. Транспорт сейчас в значительной мере решает вопросы освоения Дальнего Востока.

Наполю ОСОБУЮ АКТИВНОСТЬ ДОЛЖЕН ПРОЯВИТЬ КОМСОМОЛ В БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ СОБСТВЕННОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ БАЗЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ, СОБСТВЕННОГО КОМБИНАТА ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ И МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СУДОСТРОЕНИЯ. Чрезвычайно важными задачами являются также развитие новых видов земледелия, развитие машино-рыбных станций, консервной промышленности и т. д.

Зам. преа. Госплана СССР В. МЕЖЛАУК.

Осенняя путька на острове Попова. Слева — ва-забором сетей, справа — рабочий поселок

Лес, рыбное-основа экспорта ДВК. Восточная граница дальнего востока

Рыба — основа экспорта Дальнего Востока. Уже сейчас организованно крупное советское производство. Рыбная и рыбоперерабатывающая индустрия. Производство 10 млрд. рыбы в год. В 1935 году выловлено 4,5 млн. центов. Улов в 1936 г. составил 1,4 млн. центов, в 1937 г. — 2,0 млн. центов.

В текущем году будет выловлено 4,5 млн. центов. Улов в 1938 г. составит 1,4 млн. центов, в 1939 г. — 2,0 млн. центов. Улов в 1940 г. составит 1,4 млн. центов, в 1941 г. — 2,0 млн. центов.

Уже сейчас восточный советский метод охоты за рыбой. Улов в 1935 г. составил 1,4 млн. центов, в 1936 г. — 2,0 млн. центов, в 1937 г. — 2,0 млн. центов.

Мы приступили и работам на 8 лет всего восточного района. Уже в этом году добыча рыбы на 30 процентов превысит добычу восточной. На охоту в восточном районе метод предприятия. Впервые в этом году будет использован метод охоты на рыбацкие суда. Небольшие группы охотников в составленном районе промышленности.

Программа добычи рыбы в этом году предполагает добычу 10 млн. центов рыбы. В 1935 году было добыто 4,5 млн. центов, в 1936 г. — 2,0 млн. центов, в 1937 г. — 2,0 млн. центов, в 1938 г. — 2,0 млн. центов.

В Америке сейчас отстоит Оук и разводят много метасторонней рыбы. Они сейчас добывают 500 тысяч тонн рыбы в год. В восточном районе, как Вилу, Калифорния, Израиль. Те же. Разно это будет развиваться, освоить. В Хабаровске сейчас отстоит 500 тысяч тонн рыбы. Он будет добыть 500 тысяч тонн рыбы. На строительстве завода вывезено 3.500 рабочих.

НОЧЬ СТАЛЕВАРА ЗАПЛАТНИКОВА

(Из записной книжки)

Комсомолец Заплатников, сталевар

В августе прошлого года, когда администрация цеха с большими колдобинами и сомнениями доверила мартеновскую печь № 4 комсомольцам,— в эти дни сталевар Заплатников первым включился в борьбу за 4 плавки и первым из сталеваров не на словах, а на деле эту борьбу довел до конца.

Впервые своего существования комсомольская печь № 4 давала по 3 плавки в сутки. А когда бригада тщательно ознакомилась с печью, когда комсомолец Заплатников повел борьбу за правильную организацию труда, за четкую расстановку сил в бригаде, комсомольская печь начала давать 4 плавки в сутки.

— Мы поставили себе задачу, — говорит Заплатников, — во что бы то ни стало достигнуть на своей печи 4 плавков за 24 часа. Мы за это упорно боролся, и мы своего достигли несмотря ни на какие трудности.

ДВЕ ПЛАВКИ БЕЗ ОДНОГО НАТАЛА

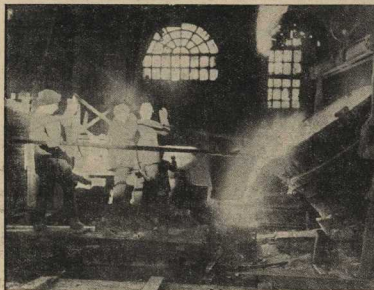
24 апреля, 10 часов 45 минут ночи. Сталевар Заплатников немного волнуется. Он строго осматривает своими прозрачными глазами бригаду. Бригада в полном сборе, кроме одного. На работу не явился каталь Солондник.

Значит прогул. Значит сегодня ночью будет большая запарка. Один каталь, это для печи много значит. Но Заплатников не сдается.

— Людям, — с неустойчивой злобой проедала он сквозь зубы стиснутые белые зубы, а потом добавил, — завтра поговорим, — и шагнул по чугунным плитам, окладывая взглядом свою печь.

Слушет 10 минут, когда на доске сопереживания были проставлены показатели сменного встречного плана, Заплатников, как араб, уже извивался около раскаленной своей печи. Он то и дело открывал крышки печи и сквозь стальные ставенчатые окошки лордо следил за огненно-молочным варением мартена.

Заплатников — сталевар, и он ближе всех из бригады находится к печи. Сталевар — хозяин печи и от него зависит вся работа печи. Сталевар решает темпы и качество стали. Это отчетливо осознал сталевар Заплатников. Он изучает все болезненные капризы печи для того, чтобы, как хороший врач-офтальмолог, вовремя предупредить эти капризы и вылечить их.

На мартенах разливана сталь по формам

Без 10 минут 12 часов ночи. Комсомольская печь выдает первую плавку. Подручный сталева- ра, комсомолец Шалованов, следит за отверстием печи. За мазельную несправность или ослеплость он отвечает перед бригадой. И вот печь выдала металл. В печи образовалась маленькая яма. Казалось бы — «мелочь», а потому некоторые сталебары не обращают внимания в сталева- ра Заплатникова эта «мелочь» волнует. Он подает команду:

— Грибок в среднее окошко!

Заплатников смотрит на нагрев пролета и ругается так. Бригадники качают ямы.

— Канту газ, — дает распоряжение Заплатников, а сам начинает засыпать яму доломитом. Еще засыпал грибок, и печь засыпала. Как будто все в порядке. Но Заплатникова оглядывает что-то беспокоит. Он снова начинает осматривать печь и снова с любовью ухаживать за нею.

Незаметно проходит заводская ночь и особенно у мартена.

... 6 час. утра. Скоро придет новая смена. В печи доваривается вторая плавка. Заплатников пробует сталь. Он черпает из печи огненно-раскаленную массу и на чугунных пантах отливает металлические бляшечки.

— Готово, сварились, — кричит с восторгом он. Через полчаса, точно по сменно-встречному плану, выключается автомат охлаждения.

Сегодня комсомольская печь дала две плавки за одну смену. Это редкость в мартеновском цехе. Четыре плавки за сутки дает комсомольская печь. Это тоже еще пока редкость для мартеновского цеха. А для сталева- ра Заплатникова эта редкость становится системой работы, которая будет им нарушаться только перенеполнением закрепленного достигнутого побед в борьбе за советскую сталь.

Я БОРЮСЬ ЗА 5½ ЧАСОВУЮ ПЛАВКУ

Если по плану печь должна выдать плавку через каждые 8 часов, то сталевар комсомольской печи выдал плавку за 6 часов 30 минут.

Он за это боролся и он этого достиг. Но Заплатников на этом не хочет остановиться. При получении нового комсомольского билета Заплатников дал обязательство:

— Я буду бороться за плавку, которая будет в среднем 5 часов 30 минут, а еще лучше 5 часов 30 минут, но снижая качество стали. Это необязательство, — говорит он, — это давай я его выполняю во что бы то ни стало. У меня слова не расходятся с делом.

Сталевар Заплатников— это тип нового социалистического человека, рождающегося в социалистическом соревновании среди огненно-красных названий новой плавки, кокущих мартенов. С Заплатниковым укрепляется социалистическое сознание и отношение к труду у сталева- ра Заплатникова.

У него в бригаде исключительный уход за печью. У него правильное взаимоотношение в бригаде, у него в агрегате за каждую конкретную мелочь отчетливое конкретное дело. У него хорошая четкая печь. У него в основу работы печи положены указания тов. Сталина.

В бригаде Заплатникова выполняются новые комсомольские ударники.

Вот они: подручный сталева- ра Шалованов, каталь Назуменико, газова- шник Прапро и другие. Они подражают своему сталева- ру Заплатникову, перенимают и усваивают стиль работы своего бригадира.

А у Заплатникова много многому поучиться. — Мы не даем оставаться печи, мы во-время ее кормим и во-время лечим, мы добиваемся правильной шихты, — говорит Заплатников.

А ПОСЛЕ РАБОТЫ?...

Когда приходит новая смена, бригада Заплатникова выдает ей сменно-встречный план и уходит домой, но Заплатников еще не

которое время находится на мартенах. Он слетает сменной сталева- ру. Рассказывает о состоянии печи. Приводит в порядок инструмент и только лишь тогда, с трудом, как от сильного притяжения магнитов, отрывается от мартена и с неохотой уходит из цеха.

После упорной и горячей ночной работы у сталева- ра Заплатникова бывает одно желание— прийти домой и спокойно отдохнуть. А после? После у Заплатникова есть другая работа.

Заплатников приходит домой. Две грязные тесные и неуютные комнаты неприглядно встречают его. В этих двух комнатах живут 4 семейства и 3 холостяка. Заплатников с большой неохотой заходит в свое засмурное жилище.

Маленькие дети 4 семейства еще спозаранку записывая своей короткой сн и сейчас, с присутствием их заводскими, орудовали над уничтожением большой какой-то технической книжки. Черные переплеты большой книги, уже изорванные, лежали на грязном полу. По одну сторону переплетов вывалялось отглаженное, книга, а по другую — титульный лист, на котором было напечатано: «Книга по става- ре и в» (популярное в цехе пособие для сталева- ра). Это была книга комсомольца Заплатникова. Он с трудом нашел ее в магазине и заплатил за нее 4 рубля 50 копеек.

А сейчас он с сожалением поглядывает на изорванные страницы его любимой книги и слезяночно нервничает. Потом он успокаивается и ищет себе место для отдыха.

Заплатников забивается в отведенный ему с женой угол и начинает дремать. В маленькой комнате ужасно тесно и душно. Капризные дети без умолку гремят по полу игрушками, кричат. Заплатников долго ворочается с боку на бок, потом его терпение лопается, и он, ругаясь, уходит опять на мартен.

— Там спойбей,— говорит он.

И так ежедневно. И так уже продолжается больше двух лет. Почему?

Ровно год прошел с того времени, как он подал в цехом заявление на получение квартиры. Но до сих пор квартиры ему не дали. А каталь Савиных не проработал еще и год, как получил квартиру.

— Почему? — спрашивает Заплатников.

Знают ли цеховые организации, что сталевар Заплатников хочет быть хорошим мастером и что ему необходимо создать для учебы благоприятные условия?

Знают ли цеховые организации, что у лучшего ударника-комсомольца Заплатникова — ма- лодражная жена, которая хочет учиться? Знают ли цеховые организации, что Заплатников уже третий месяц как бросил выплывать газеты лишь потому что негде их читать? Знают ли, что Заплатников находится в плахов квартирнике, уснажен и плохо отапливаем.

Конечно нет. А знать надо обязательно.

Маякский завод им. Токского.

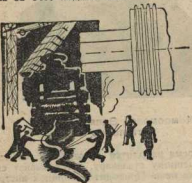
под редакцией Самсона Глязера

ИГРЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

№ 13. ВАЛИКИ ПРОКАТОГО СТАНА

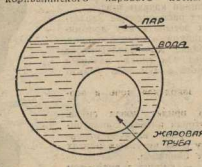
При прокатке металла на заводе «Сталь» им. Сталина (Ставрополь, УССР) обратили внимание на несовершенство валков.

При прокатке полос на ребровом прокатном стане применялись валки, оканчивающиеся гладкими концами без буртов, так что осевая резисторка ручьев между верхним и нижним валками происходила за счет подшипинок

№ 15. КОРВАЛИЙСКИЙ КОТЕЛ

Нам рисунок изображает схематический разрез так называемого корвалийского парового котла.

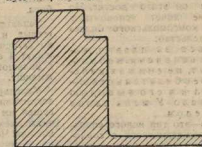
Этот котел принадлежит к типу жаротрубных котлов.

Как видно из рисунка, жаровая труба расположена внутри котла.

Как вы думаете, почему эта жаровая труба помещена не посередине котла, а смещена в сторону (т. е. расположена эксцентрично)?

№ 16. ПОЧЕМУ ПОЛУЧАЕТСЯ БРАК

На заводе по недосмотру мастера артиста или отливки из чугуна детали, имеющей форму, указанную на рисунке.

Почему при отливке получается сплошной бряк? Каким образом производится отливка детали без бряка?

Наша консультация по техническим «играм». «ТОЧНЫЕ МЕХАНИКИ»

В целом ряде профессий очень важно уметь правильно рассчитывать свои движения. Особенно это важно в работе по точной механике, радиоаппарату и т. п.

Навыки, необходимые при работе с тонкими приборами, можно получить не только на производственном, но и в тренировочной игре «Точные механики».

Одновременно в игре участвует 5—10 человек. Инвентарь для игры — небольшая картонная коробка или деревянный ящик, игла или крючок, 30—40 металлических деталей — болтов, гвоздей, винтов, шайб, гаек и т. п.

Игра проводится по следующим правилам.

1. По жребью и названию устанавливается очередность.

2. Начиная игру выкладывает детали в ящик, переставляя их по номеру переворачивая его над столом, позымая не выше чем на 5 сантиметров.

3. С помощью гвоздя или крючка игравший должен из груды деталей выбрать по одной так острожно, чтобы, снимая деталь со стола, не задевать близлежащих (смотри рисунок). Если деталь задевает соседи, движется, игравший лишается права на ход.

4. Каккая правильно снятая со стола деталь даст выигрыш в одно очко.

5. Игра ведется до 20 очков. Кто первым наберет эту цифру, считается победителем.

Л. Г.

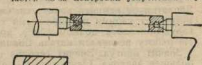
Присылайте ответы на задания нашего цеха по адресу: Москва, М. Черкассин пер., д. 3/4, редакция «СМЕНИ» для цеха занимательной техники. Ствет на каждую задачу шлите на отдельном листе. Это облегчает работу экспертной.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЦЕХЕ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ № 1

№ 1. НЕПРАВЯЯ ОТГОЧКА

(Л. Каган).

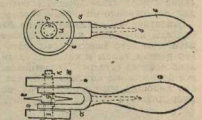
Неправильная обработка изделия по чертежу была исправлена углублением кер-

ном. Правильно центровать обрабатываемые изделия можно, как показано на чертеже.

№ 2. БЕРЕГИТЕ БУМАГУ

Для решения задачи сконструирован круглый нож, показанный на чертеже. Это изобретение применено впервые

труппом «Лангитрава» по предложению из Англии.

Обработка бумаги этим ножом уменьшает количество отходов и позволяет обработать бумагу во весь лист. Категория С № 517/22.

№ 3. МЕДЬЯНЫЕ ПАЛКИ

Для того, чтобы удлинить срок службы контактов двигателя, предложено

сталью стальной, т. е. сделать палки контактора равными, как показано на чертеже. Наблюдатель решил сделать медный палки тов. Аутова (Киров ЗИД, Категория С № 6188/20).

№ 4. СТРОИТЕЛЬНЫЕ БАЛКИ

Железные строительные балки на Петродурое предложено резать вынесенной под углом в 45 градусов, как показано на чертеже. Режем проволочными авторез-

гом. Применения косой резы в строительстве не только более выгодно, но и экономичнее, так как позволяет отрезать балку в 0,8 метра в зависимости от ее попереч. Обшая экономия, по подсчетам, составляет 10%. Категория С № 4048/43.

№ 5. ПИЕШТ СОБАК (Л. Невзоров)

Угол между ветками должен быть равен 60 градусам. Вообще для того, чтобы выдержать угол между ветками, нужно 360 градусов разделить на число изображений, которые желательнее получить (в это число входит и сам предмет).

Конструкция валков давала нежелательные косые профили прокатываемого металла и вместе с тем требовала большого внимания со стороны мастера.

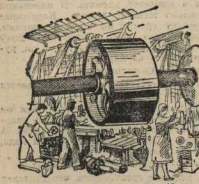
Изобретатель этого завода Т. Сидоров предложил изменить конструкцию «валков» прокатных станов.

Его предложение сэкономило заводу в течение года свыше 10.000 руб. Однако возможны и другие решения, которые представляют вашей конструкторской мысли. Подумайте.

№ 14. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ШКИВЫ

На наших заводах широкое распространение имеют металлические шкивы. В 1932 г., когда плановые задания промышленным предприятиям должны сэкономить не менее 600.000 тонн металла, мы должны пересмотреть общепринятые конструкции металлических шкивов.

Надо подумать над тем, чтобы освободить металл для других, более важных нужд социалистического строительства и заместить его scarce дефицитными материалами.

Тувльский инженер А. Корнев предложил в этом направлении большую работу. Дипломом его работу назыв «творческой инициативой», извещем новые материалы для замены металла, идущего на шкивы. По предельно малым подвешам, может быть заменено не менее 200.000 тонн дефицитного чугуна, идущего на шкивы, которые можно заместить дугими материалами. Это — программа экономии на один год.

Технорина

(составлена Л. Шохорой)

СЕРИЯ В ОРАЯ—МАШИНО—ТРОИТЕЛЬНАЯ

1. Если бы мы попытались работу всех двигателей земного шара заменить работой людей, хватило бы для этого населения всего земного шара?

2. Какая игрушка, изобретенная более двухсот лет назад, лежит в основу устройств современных паровых и газовых турбин?

3. Кем была изобретена 2.000 лет назад и что представляли собой игрушки, положенная в основу современных реальных паровых турбин?

4. В каком году был установлен первый паровой молот?

5. Где был использован у нас в России при Петре I изобретенный англичанином Томасом Сэвери паровая всасывающий насос (паровая помпа)?

6. Откуда произошло название единицы мощности машин — лошадиная сила?

7. Назовите имена людей, трудившихся до утра в XVIII веке над созданием паровой машины.

8. Сколько лет, по-вашему, существует двигатель «Дизель»?

9. Что было раньше изобретено — паровая турбина или динамометр?

10. Назовите фамилию парикмахера, изобретателя прищипной машины.

11. Какому изобретателю пришлось в результате изобретения бежать из Англии в 1738 г.?

12. Когда и кто взял первый патент на швейную машину?

13. Какой министр по Франции, известный кровавой расправой с рабочими, зашел в свое время, что железные дороги — это забавы праздных людей и что люди при езде захлопнутся от дыма?

14. Какую способность, вызвавшую удивление всего мира, развил изобретатель паровоза Стефенсон при открытии Ливерпуль-манчестерской железной дороги?

15. В каком году была построена первая цепная?

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Так кто же мещанин? Он или я?

В редакцию «Смены» поступает много писем, которые содержат в себе всевозможные бытовые вопросы, требующие разъяснения. Большинство вопросов затрагивает производственный и коллективный быт, организацию досуга, планирование личной жизни и т. д. и т. п.

То, что раньше подвозило умов сорок и тысяч комсомольцев, теперь вызывает улыбку на лицах молодежи. Совершенно нечетки такие вопросы, как например: «Можно ли комсомолкам пудриться и красить губы?», «Можно ли комсомолку носить гауск?» и т. д.

Ответы на эти вопросы теперь меня. Однако в области брака и взаимоотношений полов есть еще очень много болезненных вопросов, ошибочных толкований, проявлений буржуазных телешений. Об этом свидетельствуют многочисленные письма в бытовую консультацию «Смены». И хотя эти вопросы не являются центральными для современной рабочей и трудящейся молодежи, обходить их мещанинством не следует. Мы должны бороться со всякими искривлениями в этой области на современном этапе, тем самым воспитывая молодёжь в социалистическом духе. И прежде всего это нужно делать в случаях конкретного проявления таких ошибок на практике.

Поэтому мы подробно отвечаем на письмо т. Федотовой (Ялта, Крым). Она пишет:

«Этот вопрос меня настолько волнует, что я решила обратиться к вам за советом.

Недавно в разговоре со мной комсомолец Н. обвинил меня в том, что я мещанин и поклонница платонических переживаний. Я не умею извинять всего этого в другой форме, поэтому передам вашему наш разговор.

— Я хочу положить этому конец,— заявила он мне.— Два года и тебя любила, полагала тебя не было,—училась, я ждала. Скоро опять уедешь. Я хочу, чтобы ты была моей женой.

— Ну что же,—говорю я,—время действительно настало. Перебирайся к нам или я к тебе.

— Нет, нет,—послея меня ерзает он.—Зачем жить вместе?—Разве так,— понимаешь? Так.

— Почему же?—говорю я.—Разве мы не можем создать семью и воспитать своих детей?

— Но вы видите ли, я ведь вообще не верю в брак; он не долговечен. Сегодня союзы, завтра размораживаются. Да к тому же, ты на учебу. Как-то не выжист...

— Странно. Ведь ты два года знаешь меня и уверен, что через месяц обязательно разойдемся?

— Но ведь ты учишься—уедешь. Да и вообще ешь...

— Тогда вообще рано жениться...

— А, да ну тебе,—завоюгорил он,—ты мещанинаешься и носишься с какими-то платоническими переживаниями. Комсомолец — стыдно... У меня не никаких платонических переживаний, у меня есть только стремление к здоровой половой жизни и семье. Я хочу быть здоровой матерью-комсомолкой.

Если подойти к вопросу т. Федотовой без особо долгих рассуждений, можно сказать коротко, что мещанин и даже буржуазные взгляды на половую любовь высказывает комсомолец Н.

Но вряд ли таким ответом будет удовлетворена Федотова и в безопасности ее комбесидки.

Рис. В. Медведева

ИРРАЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

— Окончательно омещанился дичонка! Предлагаю ей свободное соитительство—не хочет...

Постараемся доказать ему, а его единоклассникам ошибочность таких взглядов на брак, а следовательно на семью.

Постановка этого вопроса у комсомольца Н. по существу ничем не отличается от нашедшей в первые годы века и осужденной асей пролетарской общественности теория «стакана воды». Эти «водные теоретики» утверждали, что при коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность будет так же просто и незатруднительно, как выпить стакан воды.

Что такое, как не раздуванная физиология, как ничем не прикрытое стремление беззастенчиво удовлетворить свои страстишки — пошлост комсомольца Н. к установлению связи с Федотовой и предложение ей: «Давай так... Понимаешь, так...»

Здесь комсомолец Н. явно скатился в лагерь теоретичной «стаканной воды».

Владимир Ильич Ленин в беседе с Каарой Цеткин беспощадно открыл эти взгляды на половую жизнь и сторонники этих взглядов. Он говорил:

он, что «в любви участвуют двое и возникает третья новая жизнь? Или может быть комсомолец Н. думает, что «любовь... так...» будет способствовать общественной деятельности т. Федотовой, ее плодотворной учебе? Может быть такой образ жизни создает возможность воспитания нового здорового поколения?

Мы не оспариваем, если скажем, что комсомолю Н. эти вопросы вовсе не волнуют. Он, видите ли, не уверен в долговечности брака, да к тому же Федотова учится, что «как-то не выжист» с семейной жизнью. С «семейной жизнью» у него «выжиста» только глава физиологии, удовлетворение только своих физиологических потребностей.

Только при помещичьей-капиталистической строе, который основывался на частной собственности и при котором собственные инстинкты находили себе безграничный простор в вопросах взаимоотношений полов, мещанской буржуазии меньше всего считался с тем, что его личная похоть принесет кому-то вред и страдания.

Мы живем в социалистическом государстве. И естественно, что взгляды комсомольца Н. достойны самого беспощадного осуждения. Осуждаем их за практику обуславливая вредный, беспорядочный образ жизни, мужчин и типичные моральные переживания и наклонности аборты, что ударяет по женщине и морально и физически.

Прежде чем обвинять т. Федотову в мещанинстве и платонических переживаниях, не беседуем. Не приходится к выводу, что ему же жить «вообще еще рано». Это чрезвычайно характерное рассуждение. Строить семью можно, вы видите ли, рано, а начать половую жизнь не рано, а наоборот, давно пора—он два года ждал и хочет положить этому конец.

Что это, как не половая распушенность, ведущая к расстройству сил и энергии, столь необходимых нам сейчас?

Владимир Ильич подчеркивал:

«Революция требует сосредоточенности, напряжения сил... Несдержанность в половой жизни—буржуазная; она признак разложения. Пролетариат должен иметь класс. Он не нуждается в объяснении, которое отлучало бы его или воздержало. Ему не нужно ни объяснений ни приговоров буржуазности ни объяснений алкоголизма. Он не смеет и не хочет забывать о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает свиньей пищу побуждений к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале.»

И поэтому совершенно права т. Федотова, когда, отвечая комсомольцу Н., она говорит:

Тогда вообще рано жениться. Это не платонические переживания, это азартный и отстой не «мещанство».

«... Самообладание, самодисциплина — не слабость; они необходимы и в любви.»

Это весьма интересное указание т. Ленину необходимо помнить и осуществлять всегда.

В центре внимания работы пионеров организации должны стоять: борьба за качество учебы, за сознательную дисциплину, за повышение в школе, за развитие детской физкультуры, за правильную организацию детского досуга и за повышение всей работы по коммунистическому воспитанию детей в сс, против всяких попыток протаскивания в детскую среду чуждой пролетариату идеологии*.

(На постановление ЦК ВКП(б) от 21 мая 1932 г.)

слева—урок биологии (7-я школа Ленрайона), ниже—у микроскопов (Г-на), справа вверху—урок математики и политехнизация; слева—музыки в коммуне Пролетрайона; в центре—хоровое пение; внизу—физкультура в школе; рядом—общение в коммуне Пролетрайона

